

The book cover features a close-up, profile view of a woman's face, looking down and to the left. She is wearing a dark, textured hat. The lighting is dramatic, with strong highlights on her face and deep shadows. The background is a muted, sepia-toned landscape with silhouettes of houses and trees under a hazy sky. Three strands of barbed wire are stretched horizontally across the lower half of the cover, partially obscuring the title.

СЬЮЗАН
ГОЛДРИНГ

ЕЕ ЗВАЛИ ЕВА

БЕСТСЕЛЛЕР THE USA TODAY

Звезды зарубежной прозы

Сьюзан Голдринг

Ее звали Ева

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Голдринг С.

Ее звали Ева / С. Голдринг — «Издательство АСТ»,
2019 — (Звезды зарубежной прозы)

ISBN 978-5-17-122970-2

Иногда за свои обещания приходится заплатить высокую цену... Эвелин Тейлор-Кларк доживает последние дни в лечебнице «Лесные поляны», расположенной в одном из сельских районов Англии. На первый взгляд она кажется добродушной пожилой леди, любящей проводить время за кроссвордами. Среди вещей, которые она привезла с собой, были письма мужу. В них она рассказывала о своей жизни, о принятых решениях и совершенных поступках. Ее прошлое хранит тайны, которые она помнит до мельчайших подробностей... Пэт, племянница Эвелин, разбирая архивы, находит фотографии военного времени, паспорт на чужое имя и другие личные вещи и передает их тете. Глядя на эти документы, Эвелин переносится в прошлое, в страшное место. Когда-то она отправилась туда, чтобы отомстить человеку, который послал на смерть ее мужа. Эвелин оказалась втянутой в мир боли и предательства, что изменило ее навсегда. Ведь способность к жестокости зачастую может скрываться под маской цивилизованности.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-122970-2

© Голдринг С., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	25
Часть вторая	27
Глава 12	27
Глава 13	30
Глава 14	33
Глава 15	34
Глава 16	37
Глава 17	38
Часть третья	42
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	47
Глава 21	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сьюзан Голдринг

Ее звали Ева

«Конечно, кое-что он и присочиняет, но по большей части говорит правду».¹

«Приключения Гекльберри Финна», Марк Твен

«Отрадно мщенье, особенно для женщины».²

«Дон Жуан», Дж. Г. Байрон

Посвящение

Памяти Норы и Тайни Уолл,

чьи добрые письма сохранились до наших дней,

а также

в благодарность Линдси Селларс и Бетти Толбот —

за то, что поделились со мной волнующими рассказами о своих военных подвигах.

Часть первая

Тише! Что нужно для коктейля с джином? (3)

Глава 1

Миссис Т-К

6 октября 2016 г.

Рыбу здесь не подают

Миссис Эвелин Тейлор-Кларк – Эви для давно почивших любимых; Ева – на одном коротком, но особенном этапе ее жизни; Хильда – в период ее временного проживания в доме престарелых, где к своим подопечным персонал всегда обращался по именам, записанным в их медицинских картах, – погружена в раздумья. Скоро к ней подойдет Даниэлла – работница, отвечающая за организацию питания в частной лечебнице «Лесные поляны». Она принесет меню и спросит, что миссис на обед.

– Что сегодня вам приготовить, миссис Т-К? – осведомится Даниэлла, нетерпеливо постукивая ручкой по планшету.

Обитателей приюта кормят очень хорошо: им ежедневно предлагают на выбор одно из трех основных блюд на обед и одно из двух – к вечернему чаю, на трапезу, которую Эвелин по старинке предпочитает называть ужином.

Что ей выбрать сегодня – цыпленка или рыбу, рыбу или курицу? Что же заказать? Эвелин помнит, что рыбу она ела вчера – треску под вкуснейшим сырным соусом с картофельным пюре. А еще днем раньше она выбрала копченую пикшу с яйцом пашот и шпинатом. Сегодня на выбор рыбный пирог, вегетарианская лазанья и жареная курица, но она, пожалуй, снова закажет рыбу, пожаловавшись Даниэлле, что очень давно не ела рыбных блюд.

После обеда опять заявится Пэт – наверное, с новыми вопросами, которыми она донимает Эвелин с тех пор, как стала готовить дом на продажу. Пока Эвелин жила в Кинг-

сли-Манор, вопросов у Пэт вообще не возникало, да и навещала-то она ее редко. Но это было до того, как Пэт заполучила полномочия на ведение дел Эвелин и прониклась уверенностью, что она «знает лучше».

Сегодня утром в гостиной тишина. После завтрака в креслах с высокими сиденьями и подголовниками помимо самой Эвелин расположились всего двое других обитателей приюта. Эвелин встряхивает «Дейли телеграф», выравнивая полосы, и открывает последнюю страницу. Она всегда сначала читает некрологи, хотя большинство ее знакомых давно умерли – она почти всех пережила. Потом, посмотрев прогноз погоды, она принимается решать кроссворд. Внимательно изучает определения по горизонтали и вертикали, покручивая в руке отточенный карандаш. Ей нравятся острые карандаши. Вчера Эвелин попросила Сару, исполняющую обязанности аниматора в «Лесных полянах», принести ей карандаши с ластиками на кончиках. Именно такие карандаши ей нужны – острые, с ластиками на конце, какие были у них в разведшколе, где она проходила подготовку во время войны. Неужели ими больше никто не пользуется? А ведь чертовски полезная вещь: очень удобно исправлять ошибки. Только это была не ошибка, верно? В своей жизни Эвелин допускала мало ошибок, но вот одна была очень серьезной, и ее она никогда не забудет.

Рука Эвелин, даром что пораженная артритом, порхает по газетной странице, быстро заполняя карандашом кроссвордную сетку. Честно говоря, интеллектуальная игра «Мистер Четверг» – не великое испытание для ума; даже анаграммы сами собой складываются. Ей снова придется притворяться: решив головоломку, она найдет в своей лакированной сумке ручку и поверх ответов, написанных карандашом, черными чернилами начеркает другие, меняя буквы в белых клеточках, так что вместо ясных, вразумительных слов получится абракадабра.

В понедельник Эвелин обратила внимание, что Фэй, одна из штатных медсестер, посматривает на газету с кроссвордом, в котором она только что закончила переписывать слова. Та, взглянув на головоломку, нахмурилась, потом сочувственно улыбнулась Эвелин и сказала:

– Браво, миссис Т-К! Вы, я вижу, не устаете практиковаться.

И Эвелин улыбнулась в ответ, но не Фэй, а собственным мыслям. Фэй никогда не догадается, посмеивалась она про себя, что в некоторые клеточки Эвелин поместила буквы из кириллицы. Не заметила она и то, что пару слов она написала по-немецки.

На прошлой неделе Эвелин задремала в гостиной, а проснувшись, решила позабавиться, когда Мэри принесла ей на полдник чай.

– Danke, lieblich, – поблагодарила она. – Du bist sehr gut für mich³.

Какое же удовольствие получила Эвелин, увидев замешательство в лице Мэри и затем услышав, как та сказала своей коллеге, которая стояла у тележки и наливала чай другим старикам, отдохавшим в креслах: «Благослови ее, Господь. Наверное, ей приснилось, что она снова у себя на родине».

И обе женщины, ласково посмотрев на Эвелин, продолжали наливать и размешивать чай, вставляя кружки в трясущиеся руки тех, кто не мог удержать чашки с блюдами.

Сейчас до Эвелин доносится дребезжание тележки, на которой после завтрака развозят кофе, печенье и почту. Распорядок дня в «Лесных полянах» предсказуемый, каждый час расписан. Утром по средам – посещение часовни, по четвергам после обеда в гостиную приходит молодая женщина-психотерапевт в легинсах из лайкры и предлагает старикам, не вставая с кресел, выполнить несколько простых упражнений.

– Руки в стороны, потянитесь вверх, пошевелите пальцами ног, – повторяет она, и они, следуя ее инструкциям, разминают дрожащие конечности. На тех обитателей частной лечебницы, кого подводит память, повседневная рутина действует ободряюще и умиротворяюще.

³ Danke, lieblich. Du bist sehr gut für mich (пер. с нем.: «Спасибо, дорогая. Ты очень любезна»).

Привычный распорядок внушает им чувство безопасности, помогая ориентироваться в ненадежном мире, который день за днем ужимается до окружения знакомых лиц и вещей.

Соседка Эвелин, Филлис, не спит. Сидя в кресле, она листает октябрьский номер журнала «Домашний очаг» с рецептами пудингов и солений-варений из осеннего урожая. Филлис слюнявит палец и переворачивает им страницы журнала, мурлыча себе под нос песню «Мы встретимся снова»⁴. Она здесь вполне счастлива, а вот Эвелин надоело слышать из ее уст одну и ту же мелодию, и она ждет не дождется, когда Филлис «сменит пластинку» или вовсе перестанет петь. И та, возможно, умолкла бы, если вырвать у нее журнал. Этот номер Филлис мусолит уже две недели, но не помнит ни одной статьи. Она и сама в том признается, причем совершенно неунывающим тоном: «Я принимаюсь читать и к концу страницы уже совершенно забываю, о чем здесь шла речь».

Но Эвелин не отнимает у нее журнал, хотя соблазн велик. Она наблюдает за Филлис и другими обитателями лечебницы, у которых разум теперь не столь ясен, как раньше. Они, ее соседи, приходят и уходят; некоторые исчезают ночью на скорой и больше не возвращаются. Но Эвелин помнит по имени каждого, даже тех, кто находился в приюте совсем недолго, хотя сами они вряд ли смогли бы вспомнить ее. Вон там, у противоположной стены, устроилась Морин Филипс, пухленькая, как розовое яблочко, женщина, обожающая сладкое. Любому посетителю она не преминет пожаловаться, что за целый день у нее крошки во рту не было, и мгновенно съест любое принесенное угощение; она всегда принимает участие в музыкальном лото, стремясь заполучить в качестве приза шоколадный батончик. Возле камина расположился Хорас Уилсон в темно-синем блейзере и фланелевых брюках; всем и каждому он докладывает, что утром уезжает домой. Неподалеку дремлет Уилф Стивенс; время от времени он поднимает голову и спрашивает, выводил ли кто Молли на утреннюю прогулку.

Эвелин внимательно наблюдает за всеми, запоминая на будущее приметы дряхления – затуманенность сознания, замедленность восприятия и реагирования. Бери на заметку, Эвелин, мотай на ус, твердит она себе. Видишь, как Морин запинается, отвечая на вопросы; смотри, как Уилф в очередной раз горделиво демонстрирует сиделке свои карманные часы, которые, по его словам, он получил в награду за многолетнюю службу. Хорас не может выбрать блюдо на обед, снова и снова спрашивая, завтракал ли он сегодня. Повторение и нерешительность – твое защитное оружие, Эвелин. Но она надеется, что не позволит себе полностью захиреть. Она по-прежнему раз в неделю, когда приходит парикмахер, будет делать прическу и, насколько ей это по силам, одеваться будет тщательно, разве что пропустит пару пуговиц, застегивая блузку, иногда в туфли разные обуется или даже губы неаккуратно покрасит. Ну уж нет, это было бы чересчур. Пока руки еще слушаются, она с помощью помады будет придавать губам идеальную форму бантика – ну, может быть, не столь выразительную как в ту пору, когда ее называли поцелуем ангела. Нет, от губной помады она откажется в последнюю очередь.

⁴ We'll Meet Again – песня, написанная в 1939 г. британцами Россом Паркером и Хью Чарльзом (впервые была исполнена Верой Линн (род. в 1917 г.), одна из самых известных мелодий времен Второй мировой войны).

Глава 2

14 октября 1939 г.

Мой дражайший милый Хью!

Мама снова в письме просит, чтобы я бросила работу и вернулась домой. Она, я знаю, беспокоится из-за авианалетов, а я боюсь, что умру от тоски, если променяю суетливую офисную жизнь и вечера в компании подруг на нудное спокойствие сурреальных холмов, пока ты геройствуешь на полях сражений. Ты знаешь, мне очень нравится Кингсли, но вот интересно, чем думает мама, зазывая меня домой? Я-то что буду там делать, если она вместе с миссис Глазьер заправляет домом, а заодно и всей деревней?

Я прежде говорила и снова повторюсь: я не намерена сидеть дома и вязать носки, хотя для тебя, любимый, я готова вязать пару за парой из пряжи противного цвета хаки, если б была уверена, что это как-то поможет, но я хотела бы внести свою лепту. Жаль, что ты отказываешься изменить свое решение и дать согласие на то, чтобы я вступила в ряды «вьюрков»⁵ или чего-то такого. Не понимаю, почему ты считаешь, что это неприемлемое занятие для твоей жены. Служить там не более опасно, чем жить в лондонской квартире. Должна сказать, мне очень нравится униформа «вьюрков», у них такие милые шляпки.

Если обстановка в Лондоне ухудшится, я, пожалуй, постараюсь чаще ночевать в Кингсли (хотя мама, наверное, тогда и вовсе от меня не отстанет, требуя, чтобы я окончательно переселилась домой), но не проси меня навсегда уехать из Лондона. Здесь я чувствую себя по-настоящему взрослой замужней женщиной, пока ты во Франции.

В своем последнем письме ты просил, чтобы я позаботилась о Макниле, когда он прибудет в Лондон. Я предупредила Грейс и Одри. Своих парней у них пока нет, и они будут только рады взять его под свои крылышки. Надеюсь, у него достанет мужества противостоять их восторженным знакам внимания!

Что ж, дорогой, пора прощаться, а то мисс Харпер уже минут пять бросает на меня строгие взгляды. Считает, что мой обеденный перерыв закончился, и я должна приняться за работу. Страшно даже подумать, что она сделала бы, если б догадалась, что я пишу тебе на казенной бумаге.

Твоя любящая жена Эви.

P.S. Я люблю тебя.

⁵ Wren – разг. член Женской вспомогательной службы ВМС (Women's Royal Naval Service), женского подразделения королевских Военно-морских сил Великобритании, существовавшего во время Первой и Второй мировых войн, а также функционировавшего после Второй мировой войны до полноценной интеграции в Королевские ВМС в 1993 г. (по первым буквам полного названия; игра слов: wren (анг.) – «вьюрок»). К Женской вспомогательной службе относились поварахи, клерки, шифровальщицы, операторы радиолокационных станций и дальномеров, женская служба орудий, женщины-электрики и авиамеханики.

Глава 3

Миссис Т-К

6 октября 2016 г.

Все на своих местах

Из окна комнаты Эвелин открывается вид на сад. Она поставила условие: если уж ей суждено провести последние дни в доме престарелых, она не должна быть полностью отлучена от своего любимого занятия – садоводства, которому она хранила верность всю жизнь. Пусть она больше не способна, сидя на корточках, пропалывать цветочные бордюры, подстригать разросшуюся жимолость или подготовить участок под овощные грядки методом глубокой перекопки почвы. Однако она еще вполне в состоянии посоветовать, как лучше подрезать тот или иной вид ломоноса, убрать старые листочки чемерицы, чтобы открыть распускающиеся бутоны, или подкормить больную желтую камелию. Правда, сейчас Эвелин сомневается, что ей по-прежнему стоит демонстрировать свои познания.

Стоя у окна, она смотрит на мелкие усовершенствования, что были произведены по ее рекомендациям с тех пор, как она переселилась в частную лечебницу, в начале года, после неудачного падения. Как же похорошел – всего за один сезон! – цветочный бордюр. Сейчас, на исходе жаркого лета, в нем пылают кроваво-красные японские гладиолусы, оранжевые цветки гелениума и бордовые подсолнухи. Весной под древним дубом раскинется ковер из белых нарциссов, а пока тот уголок сада расцвечивают миниатюрные розовые головки цикламена.

А нужно ли мне притворяться, что я не помню латинского названия полыни обыкновенной или когда лучше высаживать в грунт луковицы тюльпанов? Должна я вести себя так, будто все эти по крупицам накопленные знания теперь навсегда потеряны для меня?

Садовник сметает в кучи опавшие листья, затем загребает их двумя дощечками и кладет в тачку. Эвелин видит, что в дальнем уголке сада вьется тонкая струйка дыма.

Ему следовало бы пустить листья на компост, думает она. Лиственный перегной – отличное удобрение для садовых растений. У меня с его помощью принялись ландыши в не самых благодатных местечках.

Однако скоро с послеобеденным визитом явится Пэт, и она должна быть готова. Эвелин приглаживает волосы, распушившиеся от шампуня, которым она моет голову раз в неделю, и смотрит на свое отражение в зеркале туалетного столика, что стоял в спальне ее матери, сколько она себя помнила – должно быть, лет девяносто. Самому столику уж точно больше ста пятидесяти лет. Трехстворчатое зеркало в раме из красного дерева. В средней части столика есть выдвижной ящик, в котором Эвелин хранит шпильки и всякие разные пуговицы. Она открывает его каждый день после того, как санитарка вытрет в комнате пыль: проверяет, на месте ли одна особенная пуговица, которую она прячет в маленькой коробочке.

На полированной поверхности столика по бокам лежат льняные салфетки, расшитые одной давно почившей родственницей. На них щетки для волос с серебряными спинками и массивная шляпная булавка – якобы старинное приспособление для вскрытия писем, как говорит всем Эвелин. Окружающие ни за что не догадались бы, для каких целей ей выдали эту вещь, и, слыша их комментарии по поводу неизящности булавки, Эвелин посмеивается про себя. На салфетке посередине – зеркальце с серебряной спинкой, на котором, как и на щетках, выгравированы инициалы М.М.Х.

– Мамины инициалы: Марьянна Мария Хатчинсон, – бормочет Эвелин, кончиком пальца обводя витиеватые буквы. Она подносит щетку под нос, и ей кажется, что она улавливает застрявший в щетинках слабый аромат лавандовой воды.

Эвелин часто думает о маме, когда сидит перед зеркалом, расчесывая волосы, припудривая нос и нанося на лицо холодный крем.

– У леди всегда должен быть при себе свежий носовой платок, – говорила ее элегантная мама, жуя стоявшую перед ней девочку с травинками в волосах и содранными коленками. Она доставала из кармана чистый батистовый платочек с кружевной отделкой и принималась вытирать чумазое личико дочери.

У Эвелин до сих пор имелось несколько ажурных носовых платочков, но она их носила скорее для внешнего эффекта, а не из практических соображений: платочек можно сунуть под манжету или опустить в сумочку вместе с запиской. Теперь в ходу бумажные салфетки. Удобно, но только если применять их по прямому назначению, думает Эвелин. Если обронить на пол бумажную салфетку, ничего, кроме микробов, не передашь. Люди будут от нее шараться; в лучшем случае выбросят в урну.

Она напоследок еще раз бросает взгляд в зеркало, убеждаясь, что выглядит вполне пристойно. Волосы аккуратно уложены, на губах – красная помада. Эвелин промокает губы, чтобы помада случайно не размазалась. Ныне следы помады на чашках – обычное дело. Однако смявшийся воротник блузки она не вытаскивает поверх кардигана – пусть Пэт сама поправит.

Опираясь на ходунки, Эвелин поднимается из-за туалетного столика и осматривает комнату: проверяет, все ли ящики задвинуты. Какое счастье, что ей позволили взять сюда свою мебель и она избавлена от необходимости мириться со шкафами и столами из светлого дуба или бука, которые стоят почти во всех остальных комнатах. Привезти кровать, конечно, не разрешили. В лечебнице для пациентов приготовлены специальные койки, которые при необходимости можно регулировать в соответствии с недугами стариков. И Эвелин теперь спит на колышающемся водяном матрасе, смягчающем боль в ее ноющих костях. Порой по ночам, когда она ворочается и матрас, булькая, подстраивается под контуры ее тела, ей кажется, что он с ней беседует. Но вся остальная мебель – из темного красного дерева, со следами талька (им затирать пятна куда удобнее, чем бумагой); поблескивая, она сообщает ей, прикасались ли к нему чужие руки. Комод, тумбочка, туалетный столик и зеркало – это ее давние друзья, излучающие тепло домашнего очага.

Последний взгляд вокруг убеждает Эвелин, что по ее возвращении здесь все будет так, как она оставила. Эвелин прощается с красивым мужчиной на фотографии в серебряной рамке, что стоит на тумбочке, проверяет, на месте ли фото, которое она прячет на дне выдвижного ящика, и затем, толкая перед собой ходунки, нетвердым шаркающим шагом выходит в коридор, чтобы встретить племянницу.

Глава 4

16 декабря 1939 г.

Любимый мой!

Спасибо тебе, огромное спасибо за подарок – духи «Опера» и чудесный маникюрный наборчик. Не представляю, как в нынешнее время ты сумел найти такие сокровища, если тебе и твоим товарищам не хватает самой необходимой одежды. Все наши девчонки здесь, не переставая, вяжут, и я поклялась, что пополню их ряды, только, боюсь, мне за ними не угнаться. Но мне невыносима сама мысль, что у моего любимого мужа осталась последняя пара приличных носков и к Рождеству он может оказаться босым. И если, как ты говоришь, у вашего ротного сапожника закончилась кожа, вы все, и ты в том числе, и впрямь скоро будете ходить босиком.

Не хочу докучать тебе своими мелкими горестями, ведь твои трудности не сравнимы с моими (я починила свои туфли и купила новые чулки), но должна сказать, что работа в конторе мне порядком надоела и я горю желанием заняться чем-то более стоящим. Офисная жизнь мне опостылела, и, если получится, я попробую найти новое приложение своим силам, хоть ты и возражаешь.

Я подумываю о том, чтобы поступить на службу в Женский вспомогательный территориальный корпус (там платят 2 фунта в неделю, ежедневно выдают пособие на питание, а также бесплатно предоставляют форму и жилье), в Женскую сельскохозяйственную армию (ты всегда говорил, что, на твой взгляд, я привлекательно смотрюсь в джодпурах) или в речную скорую – куда-то туда. В общем, я решила, что в понедельник, как встану, пойду осмотрюсь. Британская автошкола организует курсы вождения по сниженным ценам для женщин, которые намерены поступить на воинскую службу. А в Механизированном транспортном корпусе, когда я туда обратилась, сказали, что меня возьмут (их заинтересовало, что у меня есть опыт работы секретарем), если я предоставлю водительские права: они не готовы поверить на слово, что я умею водить машину. Видимо, они думают, что практики вождения по поместью недостаточно для того, кому предстоит возить важных офицеров. Вообще-то, было бы здорово заполучить место секретаря-шофера при каком-нибудь прославленном генерале, правда? Ты только представь: я сижу за рулем в красивой форме, в кепи набекрень и салютую всем из проезжающей машины.

Дорогой, наверное, тебе трудно понять, почему я считаю, что должна внести свою лепту, но это так. Сейчас открываются возможности сделать что-то другое – такие, каких никогда больше не будет. Во всяком случае, я в это искренне верю. Но факт остается фактом: такие возможности сейчас есть. Я знаю, ты хочешь, чтобы я оставалась там, где безопасно, ожидая твоего возвращения, но эта война совсем не такая, как предыдущая. Теперь женщины не только вяжут, сидят дома, или навешивают белые перья⁶. Они приносят реальную пользу, я это точно знаю. Для нас наступает новое время, и я хочу быть частью этих перемен.

Обещаю, я буду держать тебя в курсе относительно моих дел и не позволю, чтобы меня отправили туда, где опасно и есть риск, что я не увижу своего любимого мужа, когда он, наконец, приедет домой на побывку и у нас будет возможность провести несколько драгоценных часов в мечтах о том, как в один прекрасный день у нас появится свой собственный загородный дом.

⁶ Белое перо – традиционный символ трусости в странах бывшей Британской империи и особенно в британской армии. В августе 1914 г., когда началась Первая мировая война, британский адмирал Чарльз Фицджеральд выступил с инициативой награждать орденом Белого пера любого мужчину призывного возраста, который не носит военной формы. Это делали патристически настроенные женщины и девушки. В начале Второй мировой войны эта общественная кампания в Великобритании тоже проводилась, но уже с гораздо меньшим размахом и была не столь эффективной.

Целую тебя тысячу раз, мой родной.

Твоя Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 5

Миссис Т-К

6 октября 2016 г.

Ключи и пудинги

– У тебя опять воротник наперекосяк, – посетовала Пэт. Поджав губы, она обеими руками подняла вверх воротник блузки Эвелин, затем снова опустила его и разгладила ткань. – Ты что, даже в зеркало не посмотрелась, перед тем как выйти из комнаты?

– Разумеется, посмотрелась, – ответила Эвелин, глядя на племянницу. Та пришла в стальных клетчатых бриджах, на которые налипла собачья шерсть. – Не расстраивайся по пустякам, дорогая. Многие здесь куда хуже меня.

Она кивнула в сторону своих соседей по лечебнице, дремавших в креслах в дальнем конце гостиной.

– Ой, и не говори! Сегодня, приехав сюда, я наблюдала одну шумную сцену. Стою, жду, пока меня кто-нибудь впустит, а в это время некий пожилой джентльмен долбит по кнопкам на панели у двери, пытаюсь выйти, и все кричит и вопит, что его к обеду ждут дома и он опаздывает. Потом одна из медсестер подошла к нему и уговорила вернуться в свою комнату.

– Хорошо, что он не вышел, – вздохнула Эвелин. – Им грозят большие неприятности, если кто-то сбежит.

– Еще бы! Они же за вас отвечают. Очевидно, им приходится постоянно менять коды – для надежности.

Эвелин не поправляет Пэт, хотя ей доподлинно известно, что коды не меняют. Один, два, три, четыре – этот входной код ни разу не поменяли за то время, что она живет в частной лечебнице «Лесные поляны». Ну и код, никакого воображения! Будь ее воля, она выбрала бы историческую дату: например 1066 год, когда произошла битва при Гастингсе, или 1666-й, когда случился Великий лондонский пожар. Это куда более интересные комбинации цифр, и они легко запоминаются.

Эвелин знает, что код всегда один и тот же: она нередко наблюдает, как персонал его набирает. Если, ковыляя через вестибюль, совершая моцион, так сказать, Эвелин замечает кого-то из сотрудников приюта перед кнопочной панелью у входа, она умышленно замедляет шаг, удостоверившись, что код не изменили. Не хватало еще, чтобы она не сумела покинуть лечебницу, когда это потребуется.

В сущности, ей понятно, почему код не меняют. Персонал думает, что старики не запомнят его, даже если им назовут заветные цифры. Тогда какой смысл? В противном случае им придется напоминать друг другу новую комбинацию цифр и сообщать ее посетителям и волонтерам, которым разрешен свободный доступ в лечебницу. Слишком много хлопот.

Эвелин знает код, но ото всех это скрывает. И Пэт ни о чем не должна догадаться, иначе она заподозрит, что Эвелин помнит и многое другое. Поэтому в ответ она только и говорит:

– Может, и так, дорогая, может, и так.

И ждет, что будет дальше.

– Так ты думала о том, что мы обсуждали на днях? – Пэт подается вперед всем телом, подбадривая ее улыбкой. – Я спрашивала тебя про ключи?

Эвелин прекрасно понимает, на что намекает Пэт, но виду не подает.

– Ключи... – озадаченно произносит она. – Какие ключи?

Улыбка сходит с лица Пэт, она хмурится:

– Честное слово, с тобой так трудно в последнее время. Во вторник я спрашивала, помнишь ли ты, где лежат ключи от того чудесного книжного шкафа с изогнутым передом, из серебристого клена. Два ящика в нем заперты, а я не хочу их взламывать. Не хочу портить такой ценный предмет мебели.

– Это мамино, – бормочет Эвелин. – Она там письма хранила и свои дневники. Ты их читала?

– Как я их могла прочесть, если ящики заперты?

– Вряд ли там есть что-то еще, – произносит Эвелин, сознательно замедляя свою речь.

– Прошлый раз ты тоже так говорила. Откуда такая уверенность, если ты даже не всегда помнишь, что ела на обед? Но ты обещала, что подумаешь о том, где могут лежать ключи.

– Обещала? – Эвелин отводит глаза и через окна гостиной смотрит на сад. За деревьями все еще плывет дым. Там могло бы гореть что угодно. Костер – хороший способ постепенно избавиться от нежелательных бумаг... и других улик.

– Так ты подумала? Где могут лежать ключи?

Эвелин медлит с ответом, словно старательно вспоминает:

– Может быть, на кухне в ящике? Ты там смотрела? Мы всегда бросали разную мелочевку в ящик кухонного стола. Там полно было всякой всячины. Может быть, ключи где-то в глубине затерялись.

– Конечно, смотрела. И не только в этом, но и во всех остальных ящиках на кухне, в подвале, в мастерской, во всем доме. Вот право слово, тетя Эвелин, твой дом – это большая свалка. Когда придет мой черед помирать, пожалуйста, напомни мне, чтобы я не оставляла своим детям такой ужасный бардак.

– Тогда, может, пусть дети тебе помогут. Для них это было бы вроде поисков сокровищ. Мы в детстве обожали отыскивать сокровища. Помнится, однажды двоюродный дедушка Уилл...

– Ой, тетя, ну хватит! Они давно уже не дети. Это абсолютно взрослые люди, у каждого серьезная работа, серьезные обязанности. Они не могут бросить все ради того, чтобы рыться в твоём хламе. Черт возьми, в один прекрасный день мое терпение лопнет, я закажу очистку дома от рухляди, и дело с концом. Если бы не ценности и не семейный доверительный фонд, я бы с радостью сделала это прямо сейчас.

Пэт, видит Эвелин, на грани взрыва, потому, помолчав несколько секунд, она говорит:

– Курицу. На обед я ела курицу.

Губы Пэт дрогнули в улыбке:

– Хорошо. Я рада, что ты здесь хорошо питаешься. Вид у тебя цветущий. Сразу видно, что ты получаешь удовольствие от еды.

– У меня всегда был хороший аппетит. Еще мама это заметила. И миссис Глазьер, когда мы были маленькими, утверждала, что из всех нас я ем лучше всех.

– Миссис Глазьер? Кажется, она у твоей мамы была то ли кухаркой, то ли экономкой, да? – Пэт знает, что Эвелин любит вспоминать прошлое.

– Кухаркой главным образом. Уборкой занималась Виолетта. Мама всегда говорила, что хорошую прислугу трудно найти и удержать, но миссис Глазьер служила у нас многие годы. Я обожала ее стейк и почечный пудинг. А еще она потрясающе запекала яблоки в тесте. Мы их всегда ели с заварным кремом. Пэт, ты когда-нибудь пробовала яблоко в тесте? Вкуснотища, скажу тебе, пальчики оближешь.

– Нет, не пробовала. И вряд ли когда попробую. Сомневаюсь, что теперь кто-то возится с такими пудингами. В лучшем случае разогревают готовые творожные пудинги или заправляют блюда пакетной крошкой. Нынче мало кто ест пудинги, и я уж точно не собираюсь начинать, – она похлопала себя по упитанным бокам.

– О, а мы, когда я была девчонкой, всегда лакомились пудингами. Без пудинга обед был не обед, ужин не ужин, – Эвелин на время умолкает, грезя о давних, но не забытых пудингах, потом спрашивает: – Дорогая, а ты пробовала когда-нибудь суссекский пудинг? Он подается с чудесным лимонным соусом.

– Нет, тетя, – вздыхает Пэт. – Суссекский пудинг я тоже не пробовала и вряд ли попробую.

– Хочешь, я попрошу здешних поваров как-нибудь приготовить его для нас в качестве угощения? Тебе понравится. Они всегда с удовольствием выполняют специальные заказы.

– Нет, нет. Я пришла сюда не о пудингах беседовать! Мне необходимо поговорить с тобой о доме и семейном фонде.

Для Эвелин это не открытие, но она просто смотрит на Пэт и затем гладит ее по рукам, словно утешает:

– Знаю, дорогая. Ты мне очень помогаешь. Но я теперь, как ты видишь, редко куда хожу. Не сомневаюсь, ты примешь верное решение.

– Да, видимо, придется, – снова вздыхает Пэт, выпрямляя спину, – раз эта обязанность лежит на мне.

С минуту она покусывает губу, потом говорит:

– Мне бы не хотелось ставить семью в неловкое положение. Я пытаюсь действовать деликатно. Относительно земли и надворных построек решение принять было нетрудно, но вот сам дом – это совершенно другое дело. Там столько личных вещей. Я просто обязана все просмотреть. И в отношении некоторых... в отношении некоторых я просто в растерянности, поэтому я так беспокоюсь о ключах.

Она встает, наклоняется к тете, целует ее, собираясь уходить:

– Что ж, если иначе нельзя, значит, придется ломать замки. Жаль, конечно. Этот книжный шкаф стоит немало.

В ту минуту, когда она собирается уйти, появляется Даниэлла в белой поварской униформе. Держа под мышкой планшет с меню, она улыбается Пэт, а та ей говорит:

– Я слышала, сегодня у вас опять был очень вкусный обед. Но вы не идите у нее на поводу, а то она вас еще заставит готовить пудинги по старинным рецептам.

– У миссис Т-К для ее возраста просто отменный аппетит, – отвечает ей Даниэлла с улыбкой. – И ей все время рыбу подавай. Сегодня она опять брала рыбное блюдо.

Улыбка угасает на губах Пэт, она переводит взгляд с Даниэллы на Эвелин:

– Но ты же сказала, что на обед ела курицу?

– Нет, – заявляет Эвелин. – Я ела рыбу. Так и знала, что ты меня не слушаешь. Ты никогда меня не слушаешь.

Глава 6

17 апреля 1940 г.

Дорогой мой, любимый!

Прости, если тебе кажется, что я чуть-чуть сердита на тебя. Просто очень трудно сохранять жизнерадостность, ведь я понятия не имею, где ты, что делаешь. Я очень стараюсь не унывать, но порой воображение рисует мне жуткие картины, и я лежу полночи без сна, в страхе, что больше никогда тебя не увижу. Да, я понимаю, что нужно мыслить позитивно, и я пытаюсь, очень пытаюсь и, конечно, просто хочу, чтобы эта проклятая война скорее закончилась и ты вернулся ко мне целым и невредимым.

Наверное, я растревожилась из-за того, что ты рассказал мне в Илфракомбе, где в прошлом месяце мы провели два благословенных дня твоего отпуска. Не волнуйся, я не стану повторять это в письме, иначе цензура и вовсе на тебя ополчится, начнет вымарывать строчку за строчкой в твоих письмах. Просто хочу напомнить, как ты сказал, что тебя и твоих товарищей крайне беспокоит, что «некий человек» играет вашими жизнями. Он считает, что «цель оправдывает средства», сказал ты, но тут я просто не могу согласиться. Если вас без необходимости подвергают риску (да, я понимаю, что война – опасное предприятие и потери неизбежны), значит, «этот человек, имени которого нельзя упоминать» слова доброго не заслуживает. Да и как я могу уважать его, дорогой, если он столь вольно распоряжается жизнью моего драгоценного супруга? Я просто надеюсь, что ты ради всех нас сумеешь его образумить. Я понимаю, ты не вправе сообщить мне, чем конкретно ты занимаешься, но, по моим догадкам, ты со своими товарищами выполняешь самые опасные сверхсекретные задания.

О боже, что-то я совсем разнылась, да? Дорогой, обещаю, больше не буду скулить. Просто я хочу, чтобы ты знал: я думаю о тебе ежечасно и с нетерпением жду твоего благополучного возвращения. Ты обязан остаться в живых и вернуться ко мне, и потом мы начнем претворять в жизнь все наши чудесные планы. Ты будешь заниматься лошадьми, я – своим садом. Со временем у нас появится парочка маленьких помощников. Поэтому, пожалуйста, береги себя, дорогой, и возвращайся ко мне в добром здравии.

Преданная тебе твоя жена Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 7

Миссис Т-К

20 октября 2016 г.

Как знать?

Опять она за свое. Розмари Дженкинс. Сидит в углу и верещит. Убалтывает посетительницу. Похоже, это одна из волонтерш, что помогают устраивать музыкальные вечера. Розмари рассказывает ей про свою молодость, которая пришлась на годы войны. До Эвелин доносятся лишь обрывки ее откровений, но суть разговора ей ясна.

– Не может быть! – охает посетительница.

– Да-да. Даже заикаться о том было нельзя, – говорит Розмари. – Никому из нас. Мы все дали подписку о неразглашении государственной тайны. Нас отдали бы под трибунал, а, может, и расстреляли бы, если бы мы не держали языки за зубами.

Она хихикнула:

Но не думаю, что теперь, учитывая мой возраст, у меня возникнут неприятности. Память у меня уже не та, что раньше. Я толком и не помню, кому и что говорила.

Они обе смеются.

– Так где вы работали?

– Сначала в «МІ 5»⁷, в Лондоне. Первыми они меня завербовали. Потом перешла на службу в «МІ 6»⁸.

– Ух ты, как интересно! И чем же вы там занимались?

– Ничем особенным, – качает головой Розмари. – Мне кажется, пользы от меня было немного. Мы в основном бумажки перебирали.

– Ой, не скромничайте. Наверняка не только бумажки.

Розмари, наклонившись к ней, понижает голос:

– Ну да, во время войны я вела наблюдение. В ту пору в Лондоне было много пришлых людей.

В подтверждение своих слов она энергично кивает, и ее любопытная гостья в предвкушении новых откровений раздвигает губы в алчной улыбке:

– А я имела большие связи, и меня приглашали на все посольские приемы. Я слыла светской красавицей.

Эвелин, слыша все это довольно отчетливо, думает про себя: вот глупая баба. Не следовало бы Розмари распространяться о своей службе в разведке. Сама Эвелин будет молчать как рыба. Бывших разведчиков не бывает. Если ты поклялся хранить это в тайне, значит, должен хранить это в тайне всю жизнь наряду со всеми остальными секретами. Пожалуй, стоит пройти за креслом Розмари и шепнуть ей на ухо: «Закон о предательстве». Интересно будет посмотреть на ее реакцию.

Новый взрыв смеха отвлекает Эвелин от кроссворда. Он нетрудный, но требует сосредоточенности, когда она вписывает в клетки буквы, которые потом, в окончательном варианте, чернилами заменит на другие. В сегодняшней головоломке больше анаграмм, чем обычных определений, и Эвелин анаграммы нравятся: перетасовка и перестановка букв напоминают

⁷ МІ 5 – секретная служба безопасности Великобритании (сокращенное название контрразведки, по первым буквам – Military Intelligence).

⁸ МІ 6 – секретная разведывательная служба Великобритании.

ей кодирование – увлекательное занятие, от которого временами немного болела голова, если приходилось шифровать и расшифровывать сообщения в срочном порядке.

С минуты на минуту зазвучит музыка. Эвелин предпочла бы сидеть в тиши своей комнаты или одного из других залов лечебницы, но желательно, чтобы ее воспринимали как часть группы, видели, что она вместе со всеми пытается запомнить слова популярных песен. В прошлом месяце с ними занимался пианист, который все наигрывал им мелодию *Roll Out the Barrel*⁹, – очевидно, привык выступать в рабочих клубах¹⁰. Сегодняшний музыкант им будет играть на укулеле. Можно подумать, во время войны слушали одного только Джорджа Формби¹¹.

Эвелин больше нравилась классическая музыка, особенно дневные концерты в церкви Сент-Джонс на Смит-сквер, которые она посещала, когда еще была в состоянии самостоятельно ездить в Лондон. И она продолжала ходить на эти концерты даже после всего, что случилось. Приятно было развлекаться. Утром с час она проводила в универмаге «Питер Джонс», оставшееся время посвящала пошиву новых наволочек или выбирала цветную шерстяную пряжу для ажурных изделий, которые вывязывала крючком Пэт. Часов в одиннадцать вкусный кофе с выпечкой из дрожжевого слоеного теста в элегантном кафе, что позволяло ей обходиться без обеда.

Эвелин вздыхает. Жаль, что она больше не вольная птица и вынуждена полагаться на заботу персонала лечебницы. Это так утомительно. Они, конечно, все любезные и услужливые, но то ли дело, когда она сама отправлялась на вокзал по окончании утреннего часа пик, на поезде доезжала до Лондона и шла на дневной концерт или в одну из художественных галерей, чтобы взглянуть на любимые полотна. В хорошую погоду после концерта она частенько прогуливалась по набережной Миллбэнк до галереи Тейт. Особенно ей нравился Тернер. Она могла часами смотреть на «Дождь, пар и скорость». Очень атмосферная картина.

А ранней весной она посещала Челсийскую выставку цветов. Конечно, не в дни всеобщего ажиотажа, а в один из тех, когда туда допускались только члены садоводческого общества. Ее любимые цветы – чемерица и подснежники, вестники весны. Но только без Пэт. Однажды, много лет назад, она взяла ее с собой, но Пэт, была уверена Эвелин, заскучала, не посмотрев и половины садов. Может быть, потому, что Эвелин имела привычку зарисовывать дизайнерские решения и записывать названия новых сортов растений. Пэт интересовали только сады и поля для гольфа, защищенные от собак. Нет, Эвелин получала гораздо больше удовольствия, когда ходила на выставку одна и ей никто не мешал восхищаться красотой растений и мастерством ландшафтных дизайнеров и профессиональных садоводов. Вообще в жизни ее возникало куда меньше сложностей, если она что-то делала в одиночку.

Зазвучала музыка. На колени Эвелин положили листок с текстом песни, отпечатанным крупным шрифтом. Слова *When I'm Cleaning Windows* («Когда я мою окна»), как и многих других популярных песен, она помнила наизусть, но сейчас ей приходилось шевелить губами и всматриваться в текст, чтобы все видели, как она старается. Ее неуверенный голос сливается с другими хриплыми дрожащими голосами, тонет в ритме музыки и псевдоланкаширском акценте музыканта, но постепенно набирает силу и крепнет в знаменитой хоровой песне.

– Миссис Т-К, вам помочь? – раздается рядом ласковый голос.

Чья-то рука помогает ей взять листок с текстом песни, затем кладет на журнальный столик кроссворд Эвелин и берет ее карандаш. Эвелин улыбается, позволяя помощнице подска-

⁹ *Roll Out the Barrel* – всемирно популярная песня времен Второй мировой войны. Мелодия написана в 1927 г. чешским композитором Яромиром Вейводой (1902–1988), первый текст песни написал в 1934 г. Вацлав Земан. Польку исполняли сестры Эндрюс (1939), оркестр Гленна Миллера, Бенни Гудман, Билли Холидей.

¹⁰ *Working men's club* – рабочий клуб (обычно такие клубы организуют семейные вечера, танцы и т. п.).

¹¹ Джордж Формби (1904–1961) – англ. комедийный актер, певец, автор песен. Широкой аудиторией стал известен по фильмам 1930–1940-х гг. Исполняя шуточные куплеты, подыгрывал себе на гавайской гитаре – укулеле.

зывать ей слова: та водит по фразам кончиком отточенного карандаша. Эвелин любит писать острыми карандашами; в прошлом они сослужили ей хорошую службу.

Глава 8

25 апреля 1943 г.

Дорогой мой, любимый человек!

Я не обманываюсь – прекрасно понимаю, что тебя больше нет, но, кроме как в письме, не знаю другого способа выразить свои чувства, излить ярость, потому пишу так неистово, что фактически изодрала в клочья почтовую бумагу. Да, мною владеют ярость, гнев – называй как хочешь – из-за того, что ты, уцелев в ходе стольких операций, в конечном итоге погиб. Как они могли быть так безалаберны в отношении тебя после всего, что ты вынес! Как могли так дерзко испытывать судьбу? Мне хочется вопить, с остервенением наброситься на тех, кто не ценил твою жизнь.

Мое горе столь люто, столь неукротимо. Меня тошнит от слез бешенства. Во-первых, я злюсь на тебя за то, что ты вообще пошел служить в ту проклятую часть. Во-вторых, я донельзя возмущена тем, что тебя не уберегли. Я знаю, что ты не мог рассказать мне, чем конкретно тебе приходилось заниматься по долгу службы (хотя нетрудно догадаться) и что потери несут все подразделения, но ведь ты выбрал самую опасную стезю, да? И как смеешь ты оправдывать собственное решение желанием усовершенствовать свой французский! Родной мой дурашка, ты ведь так гордился своими лингвистическими способностями, да? Млел от счастья, что долгий летний отдых на Лазурном Берегу и катание на лыжах в Альпах помогли тебе отшлифовать твой французский.

Лучше б ты ни слова не знал на этом треклятом языке, даже тех, что ты ласково нашептывал мне во время нашего медового месяца. Я могу думать лишь о том, что твоя любовь к французскому отняла тебя у меня, заставила рисковать. И вот результат: ты больше никогда не вернешься ко мне, никогда меня не обнимешь, не поцелуешь. У нас никогда не будет дома с конюшнями и садом, как мы планировали. Наши дети, о которых мы так мечтали, никогда не родятся. Из-за этой ужасной войны мы лишились той жизни, что была, как мы думали, обещана нам, и теперь я не представляю, как мне дальше жить без тебя.

Ты не раз смотрел в лицо смерти, и в прошлом году, когда ты пропал без вести, я ведрами лила слезы. Но свершилось чудо, ты вернулся, и я уж думала, что мне никогда больше не придется так много плакать. Но я ошибалась, безрассудный ты мой, отчаянный человек. Я заливаюсь слезами, тону в слезах с тех пор, как меня официально уведомили о твоей гибели. Да, я знаю, ты считал, что обязан исполнить свой долг, но мне всегда казалось, что ты будешь вести себя более осторожно после того, как чудом спасся. Однако тебе нравилось искушать судьбу, да? Ты смеялся над судьбой, с готовностью подвергая себя риску. И теперь, кроме родителей и наших друзей, нет никого, кто мог бы урезонить меня. Я курю, упиваюсь джином, делаю что хочу. И по привычке, от которой не могу избавиться, продолжаю изливать тебе душу на бумаге, хотя мои письма ты никогда не прочтешь.

Твоя любящая жена Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 9

Миссис Т-К

3 ноября 2016 г.

Улыбнитесь, вас снимают

Пэт снова здесь. Она ведь навещала ее не далее как два дня назад. Что ж она никак не уймется? Все ходит и ходит каждые пять минут, суетится, пристаёт с расспросами.

– Я нашла кучу фотографий, – порывшись в неопрятной дерюжной хозяйственной сумке, – Пэт вытаскивает железную банку из-под печенья, на которой видны загородный домик с соломенной крышей и сад с люпином и алтеем. – Я подумала, будет здорово, если мы вместе посмотрим их сегодня. Я понятия не имею, кто все эти люди. В нашей семье их никто не знает. Подскажи, как их зовут, когда были сделаны снимки, а я буду записывать на обороте.

– Печенье «Хантли и Палмерс», – произносит Эвелин, глядя на банку. – Мне всегда больше нравился их имбирный орех. А мама пекла такие вкусные розовые вафли.

– Ну теперь здесь старые фотографии, – говорит Пэт. Сняв пальто, она усаживается в кресло. – Печенье давно съели. Давай посмотрим, помнишь ты кого-то из тех, кто запечатлен на этих снимках.

– Я не уверена, что сумею помочь, но попробую, – соглашается Эвелин. Она, конечно, всех помнит. Помнит очень хорошо. Только как знать, чьи фотографии обнаружит Пэт среди маленьких черно-белых снимков, что беспорядочно громоздятся в банке? Значит, вот к чему все пришло: отныне Пэт будет беспардонно копаться в жизни Кингсли и мучить ее вопросами, вороша прошлое, которое Эвелин не успела как следует спрятать и похоронить. Остается надеяться, что ее секреты не будут раскрыты, пока она жива.

– Можно взять карандаш?

Пэт берет его с тумбочки, на которой лежит газета с разгаданным кроссвордом:

– Ух, какой острый.

Она открывает банку и бросает на колени Эвелин ворох фотографий. Первая стопка состоит из снимков, сделанных одним давнишним летом. В 1935 году или в 1936-м? Нет, точно в 1935-м, тогда еще жара стояла несусветная. Эвелин смотрит на компанию мужчин в белой форме для крикета, на женщин в светлых платьях. Они устроили пикник: сидят все в тени на ковриках, перед ними тарелки с треугольными бутербродами и чаши с клубникой.

– Соломенные шлемы, – молвит она. – В том году лондонским полицейским выдали соломенные шлемы, чтобы они меньше парились. Все говорили, что они снова будто перенеслись в Индию, когда папа там работал. Мне в тот год исполнилось шестнадцать.

Она показывает на молодую женщину с короткой стрижкой на заднем плане.

– Видишь, как я здорово придумала, – улыбается Пэт. – Вон как много всего ты вспоминешь, глядя на фотографии. А про эти что скажешь? Это дядя Хью?

Она протягивает Эвелин портрет молодого мужчины, позирующего перед фотокамерой. Та берет маленькую карточку и улыбается своему давно почившему мужу:

– Он тогда был такой красавчик. Все девчонки так считали. Мне очень повезло, что он выбрал меня. За Хью многие охотились.

– Может, оставишь это фото у себя?

– Нет, дорогая. У меня в комнате еще лучше есть. Пусть будет у тебя, покажешь своим мальчикам.

– А это что за фотография? Кто эта маленькая девочка? По-моему, я ее никогда не видела. Это наша родственница?

Пэт держала в руках фотографию четырехлетней девочки с заплетенными в косички белокурыми волосами, которая, смеясь, играет с мячом в саду.

Да, думает Эвелин, она – наша родственница, но ты с ней никогда не встретишься. Никогда не увидишь ее, даже мельком. И мне тоже никогда больше не суждено ее увидеть.

Пэт переворачивает фото и читает на обороте сделанную карандашом поблекшую записку: Тут почти никакой информации. Только «Лизи, 1951 г.». Получается, снимок сделан через два года после того, как я родилась.

– Лизи, – бормочет Эвелин. – Понятия не имею, кто это.

Она всматривается в маленький снимок, будто силится вспомнить.

Разве могу я забыть тебя, дорогая? В тот день ты была счастлива.

Она не берет в руки фотографию, одну из нескольких, сделанных незаметно много лет назад; в том нет нужды. У нее в комнате есть такая же, спрятана в выдвижном ящике. Каждый вечер, перед тем как лечь спать, она целует фото в рамке – своего молодого мужа Хью, а потом Лизи, шепча ей: Gute Nacht, liebchen¹².

– А на эту взгляни, – говорит Пэт. – Это ведь ты, да? В военной форме? Слушай, она тебе так идет!

Эвелин берет у племянницы снимок. С фотографии ей улыбается уверенная в себе молодая особа с красной помадой на губах и вьющимися волосами.

– Я здесь не в своем повседневном обмундировании. Этот комплект я сшила на Сэвил-роу. Заметь, не для того, чтобы на службе носить, а на выход. Та форма, что нам выдали, была просто отвратительна, особенно меня коробили плотные коричневые чулки.

– Ну ты всегда была модницей. Ой, смотри, а вот еще одна. Вы тут целой компанией, и все в военной форме. Это ведь тоже ты, да?

Пэт тычет пальцем в молодую женщину на снимке. Волосы у нее убраны под кепи, сама она несмело смотрит в объектив:

– А кто эти люди рядом с тобой?

Она переворачивает фотографию:

– На обороте ничего не написано.

Эвелин рассматривает фотографию. Она не видела ее много лет. Должно быть, вложила снимок в конверт вместе с письмом, которое отправляла домой маме. На первых порах, до того как все произошло, она писала ей часто. На фото перед входом в большое здание стоят навтыжку – плечи отведены назад, руки по швам, – едва заметно улыбаясь, двое мужчин и две женщины в военной форме: Ева, полковник Робинсон и еще двое. Кто-нибудь узнает его по этой фотографии. С годами он почти не изменился. Выглядел почти так же, как на снимке, сделанном в ту пору, когда он пропал без вести, тридцать лет спустя. Но кто теперь вспомнит, что некогда она была с ним знакома?

– Где была сделана эта фотография? – Пэт продолжает перебирать оставшиеся в банке снимки.

– Думаю, в Германии. Сразу после войны.

– Ты никогда не рассказывала о том, чем ты там занималась. Сразу после войны там, наверное, было ужасно.

– Не думаю, что я делала что-то важное, дорогая. У меня был самый маленький чин.

Не говори лишнего, Эвелин. Не дай ей догадаться, что ты помнишь.

– Все равно тогда, наверное, было жутко. Ты, должно быть, насмотрелась и наслушалась всяких ужасов.

¹² Gute Nacht, liebchen (нем.) – Спокойной ночи, родная.

О да, дорогая, и насмотрелась, и наслушалась, но тебе не расскажу. Эвелин качает головой, словно думая о чем-то своем, и бормочет:

– Я мало что помню. Знаю только, что тогда было скорбное время.

– Мама про то время тоже мало рассказывала. Я знаю только, что в молодости она потеряла первого мужа. В двадцать два года, как она говорила. А потом вышла замуж за папу, за твоего брата Чарльза. Бедная мама. С ним она тоже долго не прожила, только и успела меня родить.

Пэт снова воззрилась на фото четверки в военной форме, словно пыталась представить послевоенный хаос того времени:

– Ты помнишь, кто эти остальные на снимке рядом с тобой?

– Это было так давно, дорогая, – Эвелин закрывает глаза, будто роясь в памяти, но в действительности она не хочет, чтобы Пэт заметила ее смятение, в которое повергла ее эта старая фотография, указывавшая на ее связь с Робинсоном.

– Может, оставишь это фото у себя? А я, если не возражаешь, покажу мальчикам ту твою фотографию, где ты в элегантной военной форме?

– Точно, возьми ее. Пусть ребята знают, что я не всегда была дряхлой старухой, – Эвелин со смехом убирает в карман кардигана снимок четверки. Он там долго не пролежит. Вернувшись в свою комнату, она решит, что с ним делать.

– Что ж, ладно, мне пора, – говорит Пэт. – Сегодня после обеда в Кингсли приедет аукционист, произведет оценку кое-каких вещей. Кстати, я нашла старые инвентарные ведомости, когда перебирала бумаги в письменном столе. Ты ведь составляла их очень давно, и я подумала, что лучше оформить новые. Ты когда-то собиралась продать кое-что из вещей?

Эвелин старается придать лицу неопределенное выражение.

– Наверное, это для оформления страховки, – наконец отвечает она. – Управлять Кингсли – это всегда большая ответственность.

– Не то слово, тетя, – соглашается с ней племянница, надевая пальто. – Между прочим, ключи я так и не нашла.

Наклонившись, она чмокает Эвелин в напудренную щеку:

– М-м-м, ты так вкусно пахнешь. Ты уверена, что не хочешь оставить себе еще кое-какие из этих снимков?

Пэт протягивает ей банку с фотографиями:

– Может, пусть они пока у тебя побудут? Посмотришь их повнимательнее. Вдруг еще какие лица опознаешь.

– Так и быть, дорогая, – говорит Эвелин, забирая у племянницы банку с фотографиями. – Я постараюсь вспомнить имена, чтобы вы с детьми знали, кто изображен на фотографиях.

Или найду среди них снимки, которые надо уничтожить.

Глава 10

29 октября 1943 г.

Дорогой мой человек!

Думаю, ты ужасно гордился бы мной! Твоя крошка жена теперь квалифицированный водитель Женского вспомогательного территориального корпуса и уполномочена возить на встречи и совещания офицеров в ужасно милом черном «Хамбере». Должна сказать, это отличный автомобиль, лучший из всех, которые я водила. Правда, у моей работы есть один большой недостаток: мы, девушки, обязаны сами обслуживать свой автомобиль. Последние два дня, грязная с головы до ног, я просидела в смотровой яме! Но все же, по-моему, это станет неплохим дополнением к моим скудным талантам. Как ты считаешь, дорогой?

В Кингсли (как же я по нему скучаю!) я научилась водить машину (летом папа пускал меня за руль своего старого «Остина», давая прокатиться по подъездной аллее и ровному полю), но в корпусе сочли, что этого недостаточно, и мне пришлось окончить настоящие водительские курсы близ казарм в Кимберли. Мне, конечно, здорово доставалось за дурные привычки (возможно, я переняла их у тебя, дорогой). Например, я забывала посмотреть в зеркало, перед тем как тронуться с места.

В общем, одно из моих первых заданий – научиться ориентироваться в Лондоне. Мы квартируем прямо за «Питером Джонсом», и это ужасно удобно. Даже мама одобряет: думает, я смогу заскакивать туда каждый раз, как ей понадобятся пуговицы или шелк. Я несколько раз ей говорила, что служить пошла не для того, чтобы выполнять ее поручения, но она, по-видимому, считает это единственной выгодой от моей службы. Она также не понимает, что я не вправе использовать «Хамбер» в личных целях: я не могу садиться в машину и мчаться к ней по первому требованию, когда она соскучится. Ей невдомек, что бензин нормирован, и, заскучав по садам Кингсли, по родным местам, я вынуждена ехать туда на поезде.

Все девушки здесь ужасно милые, и, хотя в комнатах весьма холодно (мы живем в старом здании викторианской эпохи), мы стараемся не падать духом. Кормят нас во всяком случае сытно: наверное, боясь, как бы мы, «девчушки», не потеряли сознание за рулем, когда возим наших генералов. Скоро мне предстоит выполнить свое первое настоящее задание – поехать в Портсмут. Так что пойду изучать карту, чтобы знать, как доехать туда и обратно без происшествий.

Пожелай мне удачи, дорогой.

Твоя Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 11

Миссис Т-К

3 ноября 2016 г.

Ничего не выйдет

Эвелин инспектирует горшочки с луковицами подснежников, посаженными к рождественской ярмарке, которую устраивала частная лечебница «Лесные поляны». Сквозь темно-бурый компост видны кончики зеленых всходов.

– Хорошо всходят, да? – обращается Эвелин к Саре, которая организует различные мероприятия для обитателей приюта, в том числе занятия садоводством. – Я же говорила, если поместить луковицы в холодильник на несколько недель, они подумают, что наступила зима.

– Вы были абсолютно правы, миссис Т-К. Думаете, они зацветут к тому времени, когда мы выставим их на продажу?

– Маловероятно, но будем надеяться, – Эвелин проверяет другие горшки и ежится.

Теплица имеет стены и крышу, и на стекле мерцает водянистое солнце, но отопления здесь нет.

– Это самые обычные подснежники, *Galanthus nivalis*, – с гордостью произносит она, – но, если их высадить в грунт под открытым небом, они быстро разрастаются. У меня в Кингсли стелились восхитительные ковры из подснежников. Зимой они особенно радовали глаз. Среди них встречались очень редкие разновидности. Надо сказать, я была самым настоящим галантофилом.

– Кем вы были, миссис Т-К?

– Галантофилом, дорогая. Так называют людей, которые знают толк в подснежниках, с увлечением их выращивают и коллекционируют. Редчайшие цветы зачастую продают по сотне фунтов за луковицу. Но лучше их всегда высаживать зелеными, когда на них еще есть листочки, если хотите добиться хороших результатов.

– Надо же, а я и не знала. Это как тюльпанная лихорадка, да? Помнится, нам рассказывали это в школе, на уроках истории. Миссис Т-К, да вы настоящий клад информации!

Эвелин улыбается сама себе. Если бы эта девочка знала, сколько информации спрятано у нее в голове, под серебристо-седыми волосами! Однако в следующий раз нужно быть осторожнее: нельзя рассказывать слишком много. Нельзя забывать, что она не должна помнить.

– Дорогая, я, пожалуй, пойду в тепло. Одна справится? – Сара отодвигает дверь, и Эвелин, волоча ноги, выходит из теплицы, у которой ее ожидают верные ходунки. Медленно ковыляя прочь, она терзается беспокойством. Не слишком ли подробно я рассуждала о подснежниках? Так трудно похоронить все эти знания о садоводстве, гораздо труднее, чем все остальные секреты.

Спустя несколько минут Эвелин уже сидит в кресле у себя в комнате, перебирая старые фотографии в банке из-под печенья. Вот снимки мамы на свадьбах, сельских ярмарках и торжествах. На ней меха, шелковые платья и вычурные шляпы с широкими полями. Милая мама, везде такая элегантная. Есть немало фотографий папы и дорогого Чарльза, горделиво стоящего в компании охотников. Как же они великолепны: все в твидовых костюмах и кепках, в руках – ружья, у ног – связки подстреленной дичи, рядом настроженные гончие, нетерпеливо глядящие на хозяев!

А вот еще снимки Эвелин в военной форме. На некоторых она смеется вместе с девушками в такой же форме, как у нее. На других присутствуют и молодые летчики: глядя в камеру,

они шуряются на солнце. Такие молодые, не старше двадцати. Они скоро погибнут, а пока еще живы, стараются урвать поцелуи и насладиться красотой. Однако других фотографий четверки в деревянных позах она больше не находит, равно как и снимков одного Робинсона.

Эвелин не составляет труда вспомнить, как и когда они были сфотографированы вчетвером. И теперь, вытащив из кармана фото, она принимается рассматривать его более внимательно. Они стоят у входа одной из бывших лечебниц в Бад-Нендорфе, переоборудованной под центр для допросов. Фото сделали вскоре после ее приезда, тогда центр только-только начал работать, а сама она точно и не знала, что там будет происходить и какой на самом деле человек Робинсон. На фото этот невысокий мужчина субтильного телосложения выглядит суровым: подбородок вздернут, губы плотно сжаты под тонкими усиками. Остальные трое, шурясь на ярком солнце, растерянно улыбаются, словно не могут взять в толк, зачем их заставили позировать вчетвером, изображая близких товарищей.

Эвелин пристально смотрит на давнишний снимок. В чертах Робинсона отражается жестокость его натуры, но в ту пору, когда они познакомились, она в полной мере этого не распознала. Он просто казался неприветливым и деловитым, как и многие офицеры командного состава, с которыми она общалась по долгу службы. И хотя слава бежала впереди него, она не подозревала, сколь расчетливым может быть этот человек, пока сама в том не убедилась.

Эвелин начинает рвать фото на две части, но вовремя останавливается и отрывает лишь половинку правой половины, то есть четвертинку, на которой запечатлен Робинсон: он стоит с самого края, чуть отодвинувшись от остальных трех. Эвелин кладет оторванную полоску на сложенную газету и берет карандаш. Подушечкой пальца потрогав кончик грифеля, она точит карандаш до остроты иглы, затем зажимает его в кулаке и вонзает в лицо Робинсона – по очереди в каждый глаз, в нос, в твердую складку не улыбочивого рта. И вот четвертинка снимка изодрана, изображение на нем неузнаваемо. Довольная, она рвет его на мелкие кусочки и, зажав их в руке, ковыляет в ванную, где бросает клочки в унитаз и спускает воду.

После, прихрамывая, Эвелин возвращается в свое кресло и берет из банки единственное фото белокурой девочки. Она сравнивает его с тем, что она целует каждый вечер, с фотографией, которую хранит в тумбочке под Библией. Держа рядом две маленькие карточки, Эвелин пытается решить, какая из них лучше.

Она часто ходила мимо того сада, пытаясь увидеть девочку, и, перед тем как навсегда покинуть Германию, решила пофотографировать городок. Если бы у кого-то возникли вопросы, она сказала бы, что скоро возвращается домой и хочет запечатлеть на память годы, проведенные в Вильдфлектене. Конечно, интересовали ее не дома, не волю на пашне или церковь. Ей нужны были только фото, на которые попала девочка.

– Лизелотта, – шепчет Эвелин. – Тебя называли Лоттой, но для меня ты всегда была Лизи.

Она целует оба маленьких снимка и один кладет в банку с другими старыми семейными фотографиями. Пусть Пэт любопытствует сколько угодно, она ей ничего не скажет.

Часть вторая

Умный и красивый (9, 1, 11)

Глава 12

20 ноября 1943 г.

Мой дорогой, любимый Хью!

Это письмо никогда не покинет пределов Англии, оно навсегда останется при мне, и в нем я могу писать о чем угодно, не опасаясь карательных мер и цензуры. Все это время, с того ужасного дня, когда мне сообщили о твоей гибели, я винила **тебя** за неоправданный риск, ругала **тебя** за то, что ты не вернулся ко мне. Но теперь мне известно, что твоей вины в том нет. Сегодня я узнала, что тебя и других вероломно предали.

Он не желает «разглашать тайну», как он выразился, но сегодня днем меня навестил твой друг Тим Макнил. Он дал тебе слово, объяснил Тим, что нанесет мне визит, если ему удастся вернуться домой, а тебе нет. Тим – славный парень, и для меня великое утешение знать, что вы были близкими друзьями и поддерживали друг друга. Я сказала ему, что во всей этой печальной истории меня радует только то, что тебя не взяли в плен, как других. В какой-то степени это – счастье, что тебя застрелили при попытке к бегству и ты был избавлен от пыток.

Мы с Тимом встретились в ресторане «На углу Ковентри-стрит». Ты должен помнить его, дорогой. Мы были в нем как-то раз вскоре после того, как открылось кафе «Старая Вена». Мы тогда еще оба сомневались, что нам понравятся *Aufschnitt*¹³ и прочие иностранные деликатесы, которые предлагались в меню, и потому заказали особый салат с креветками, яйцом и ветчиной. Это было четыре года назад, еще до начала войны. Я сомневалась, что у меня хватит духу пойти туда, где мы с тобой некогда были так счастливы, но решила предпринять попытку и надела форму, которую сшила на заказ по настоянию мамы. Думаю, она считала, что я опозорю семью, если буду носить казенное обмундированное. Не представляю, что бы она сказала, если б узнала, что у меня осталась всего одна пара приличных чулок. Если порву их, придется рисовать стрелки соусом «Бисто», как это делают все!

Тим был очень любезен, только выглядел крайне худым и бледным, и я сказала, что ему нужно поесть. Я заказала консервированную ветчину с картофелем фри, он – гренки с сыром по-уэльски – на вид ужасное блюдо. Сыр теперь у нас отвратительный. Мне кажется, его смешивают с размельченным яйцом и для более приятного вкуса добавляют горчицу.

Потом, когда нам принесли наши блюда, и вовсе начался кошмар: Тим вдруг сообщил мне, что, по его мнению, тебя и остальных предали. Я не верила своим ушам. Только что я говорила ему, как пыталась утешать себя мыслью, что ты делал важное дело. Мне нравится думать, сказала я, что ты и твои товарищи выполняли задачу, поставленную Черчиллем, – «воспламенить Европу», и, хотя я понимала, что ты не вправе рассказывать мне о своей работе, ты, я знала, с воодушевлением сражался ради будущей победы в войне. Потом я сказала: мне известно, что тебя и Тима посылали на специальные задания, так что он может не бояться сболтнуть лишнего.

В ту минуту я и заметила, что Тим не притронулся к еде. Он помешивал чай – водил и водил ложкой в чашке, как заводной. Выглядел он ужасно, и я спросила: может, что-то не так с его блюдом, и предложила заказать что-нибудь другое. А он посмотрел прямо мне в лицо и

¹³ *Aufschnitt* (нем.) – холодная закуска (мясное ассорти: колбасы, ветчина и пр.).

сказал, что у тебя и твоих товарищей не было шанса воспламенить Европу, что ты и некоторые другие ребята были уверены, что провал вашей последней операции был подстроен, чтобы ввести в заблуждение немцев.

Я пыталась сохранять спокойствие, но ничего не могла с собой поделать. Уронила нож с вилок на тарелку, устроив грохот на весь ресторан. Мне стало дурно, пришлось прижать ко рту салфетку. С трудом верилось в то, что он говорил. Но в конце концов я заставила себя спросить, зачем кому-то нужно было, чтобы операция провалилась. Он ответил, что точно не знает, но думает, что велась какая-то сложная игра с двойной проверкой агентов, в результате которой погибли с десятков мужчин и женщин и были раскрыты агентурные сети.

Это был такой шок, скажу я тебе. Я закрыла глаза, подумывая о том, чтобы извиниться и броситься в дамскую комнату. Но что бы это дало? Я заперлась бы в кабинке и провела там несколько часов. Потому я решила, что нужно взять себя в руки, стиснуть зубы и постараться выяснить то, что можно. Мне отчаянно хотелось узнать все, что известно Тиму, и я, глубоко вздохнув, сложила на коленях салфетку и сказала, что в это невозможно поверить, ведь людей для этой работы тщательно отбирали, людей с особыми навыками и знанием иностранных языков потом столь же тщательно обучали. Неужели лишь для того, чтобы принести их в жертву? Меня трясло, мой голос, я знаю, дрожал, но я просто должна была это знать.

– Не совсем – не сразу ответил Тим. – Это больше походило на игру, в которой ставки необоснованно высоки.

– На азартную игру? – уточнила я.

Он подтвердил. Меня по-прежнему била дрожь, а Тим, казалось, чувствовал себя еще более неловко. В конце концов он предложил, чтобы мы расплатились и нашли более спокойное место. Не доев, мы покинули ресторан и пошли по Пикадилли в сторону магазина «Фортуна энд Мейсон» и Грин-парка. Говорили мы мало, а потом – глупость, конечно, – мне вдруг вспомнился вечер, когда мы с тобой ужинали в «Кваглиносе», а в «Кафе де Пари» угодила бомба. Мы с Тимом как раз сворачивали на Бери-стрит, и в сточных канавах, мимо которых мы шли, в лучах заходящего солнца искрились крошечные осколки стекла. Думаю, это и навело на воспоминание. И я рассказала Тиму о нашем чудесном спасении и о том, как в ту страшную ночь мы поймали, наверное, единственное такси во всем Уэст-Энде, ведь тебе нужно было успеть на поезд, отходивший с «Кингз-Кросса». Я сказала, что, наверное, тогда ты начал проходить спецподготовку, хотя я в то время об этом не догадывалась.

Тим как-то странно посмотрел на меня и затем сказал: он глубоко сожалеет, что тебе не удалось выжить; ты был хорошим парнем. И я опять спросила его про то, о чем он говорил раньше, – что в той операции вас подвергли неоправданному риску. И тогда – о Господи, до сих пор не могу поверить! – он заявил, что вас не просто подвергли риску, а, по его мнению, принесли в жертву. Он остановился и сказал, что не должен мне этого говорить, но человек, возглавлявший операцию, твердо убежден, что цель оправдывает средства. По словам Тима, тот тип прекрасно знал, что у наших людей было мало шансов уцелеть.

Признаюсь честно, дорогой, меня опять стало тошнить. Я чувствовала, как та омерзительная картошка с ветчиной, которую я пыталась есть, заколыхалась у меня в желудке. Должно быть, лицо мое покрыла мертвенная бледность. Я помню, как привалилась к витрине «Фортуна». Одному Богу известно, что подумали обо мне люди. Но я не могла позволить, чтобы меня стошнило на улице, и стала дышать медленно, пока дурнота не прошла, а потом спросила у Тима, отвечает ли он за свои слова. И Тим сказал, что он говорит истинную правду и что, если бы тот человек действовал иначе, он уверен, что ты и многие другие остались бы живы.

Представляешь, какой шок я испытала, услышав это? Придя в себя (и меня не мучала тошнота, я просто вдыхала холодный воздух), я спросила Тима, кто этот человек. Я посмотрела ему прямо в глаза и потребовала, чтобы он назвал его имя. Я пребывала в крайнем волнении и, наверное, заявила, что хочу знать, кто играл жизнью моего мужа.

Тим поначалу не хотел говорить: видимо, вам всем вдолбили, что вы обязаны молчать про операции. Но через несколько секунд он сказал, что это его долг перед тобой и передо мной, и назвал имя негодяя – полковник Стивен Робинсон.

Я заверила Тима, что на этот счет у тебя были свои подозрения, которыми ты поделился со мной во время нашей последней встречи. Тим, казалось, вздохнул свободнее, однако выглядел он изможденным и изнуренным, и я сочла, что обязана отблагодарить его за откровенность. Я подумала, что нам обоим не мешает взбодриться, и предложила отправиться на плац для конных парадов, где недавно выставили немецкий «Тигр», захваченный в Тунисе. Об этом писали все газеты, и все были счастливы, что удалось нанести немцам ответный удар. В общем, мы пошли туда, вволю позлорадствовали, а потом заели тот ужасный ужин приличной рыбой с картошкой.

А теперь я сижу у себя в казарме и размышляю о том, что поведал мне сегодня Тим. Если то, что он сказал, правда, я никогда не прощу этого Робинсона. Я только-только начала свыкаться со смертью моего дорогого мужа, погибшего на войне, но я никогда не примирюсь с тем, что твою жизнь намеренно принесли в жертву.

Вряд ли я когда-нибудь увижу того типа. Полагаю, у меня мало шансов влить ему все, что я о нем думаю, но я пойду на все, лишь бы встретиться с ним лицом к лицу. Я готова проклинать его снова и снова, пусть бы он провалился в преисподнюю за ту боль, что его приказы причинили мне. И, если мне суждено когда-то встретиться с ним, я отправлю его прямо в ад.

Со всей любовью к тебе, мой родной.

Твоя Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 13

Миссис Т-К

7 ноября 2016 г.

Ключи и чемоданы

– Здесь мы не сможем поговорить, – заявляет Пэт, ворвавшись утром в гостиную.

На ее плаще темнеют грязные пятна, одна пуговица оторвана, сзади болтается незавязанный пояс. В руках у нее лопнувший с одного бока пухлый пакет, до отказа набитый бумагами.

– Пойдем в твою комнату или присядем где-нибудь еще. Там, где спокойно и нам никто не помешает.

– Здесь нас никто не услышит, если мы будем разговаривать тихо, – возражает Эвелин. – Они все глуховаты. Да и кофе с печеньем скоро принесут.

– Значит, кофе с печеньем нам принесут туда, где мы будем сидеть, – чеканит Пэт. – Мне нужно поговорить с тобой наедине прямо сейчас. Так мы идем или нет?

Ворча, Эвелин с трудом поднимается на ноги и хватается за ходунки, чтобы не упасть.

– Что ж, пойдем. Дальше по коридору есть маленькая гостиная. Туда редко кто заглядывает.

Они выходят в коридор. Навстречу им едет тележка с чашками и фляжками.

– Мэри, – окликает разносчицу Эвелин, – будьте так любезны, принесите нам кофе в маленькую гостиную. Большое спасибо.

Поддерживая тетю под локоть, Пэт заводит ее в тихую безлюдную комнату и закрывает дверь. Устроившись в кресле, Эвелин принимается суетливо хлопотать себя по карманам в поисках носового платка и карандашей.

– Тетя, – начинает Пэт, – ты прекрасно знаешь, что я, как могу, стараюсь разобрать вещи в доме. Но вчера я нашла такое, о чем ты, уверена, не желала бы распространяться. И теперь хочу задать тебе несколько важных вопросов.

Эвелин смотрит на взволнованную племянницу. *Так, начинается, теперь будь внимательнее. Тщательно подбирай слова и следи за своими жестами.*

– Конечно, дорогая. Охотно помогу, чем смогу. Но ты же понимаешь, что все в Кингсли теперь принадлежит тебе. Ты не обязана спрашивать моего мнения по поводу каждой мелочевки.

– Да, конечно. Но это еще полбеды. К сожалению, я не уверена, что нам нужны те вещи, которые я только что обнаружила.

– Какие, например? – Эвелин пытливо смотрит на Пэт. Щеки у нее пунцовые, голову не мешало бы вымыть и волосы расчесать. – Ты прямо сама не своя сегодня. Точно ничего не случилось? Мальчики здоровы? А твой славный муж? Как поживает дорогой Хамфри? Сто лет его не видела.

– Все хорошо, спасибо. И сама я прекрасно себя чувствую. Просто я... встревожена, – последнее слово Пэт буквально выплевывает, и Эвелин силится сдержать улыбку. Она предвкушала этот момент с тех пор, как переселилась в «Лесные поляны».

– Вдохни поглубже, дорогая, и расскажи, что тебя так сильно взволновало. Я внимательно слушаю.

По ее совету Пэт делает глубокий вдох и начинает тараторить, захлебываясь словами:

– В кухонном ящике, как ты и говорила, я нашла ключи и попыталась ими открыть книжный шкаф, который, кстати, отпереть мне так и не удалось, так что проблема по-прежнему не

решена, а портить столь ценный предмет мебели мне вовсе не хочется. Так вот, я вдруг заметила, что на связке ключей, которую я нашла, есть парочка маленьких ключиков. Я подумала, что они, наверное, от чемоданов, которые я обнаружила в одной из свободных комнат. Один лежал на гардеробе, второй – на полу. В общем, с ключами я поднялась наверх, открыла эти тяжелые чемоданы и пришла в ужас от того, что в них увидела. Это был суший кошмар, я глазам своим не верила.

– В самом деле, дорогая? Да ты не тараторь, объясни толком. Я не помню никаких чемоданов. Я в той комнате лет сто не была. Понятия не имею, что в них лежало.

Ты бы сказала, что, по-твоему, ты обнаружила, а потом решим, стоит ли мне беспокоиться.

– Оружие, тетя, оружие! И патроны в придачу.

– Неужели, дорогая? Но в Кингсли мы всегда держали ружья под запором в специальном стенном шкафу. Папа в этом отношении был очень щепетилен. Не позволял, чтобы ружья были разбросаны по всему дому.

– Вот и я так думала. Но потом увидела эти ружья и поняла, что это не то оружие, которое в семье использовали для охоты. Тебе хорошо известно, что я не разбираюсь в оружии. Я ненавижу кровавую охоту. И никогда не участвовала в охоте, что устраивали в Кингсли много лет назад, в годы моей юности. Но даже я сумела определить, что это не охотничьи ружья для отстрела фазанов и уток.

– Не охотничьи, дорогая? А что же это за ружья?

Уф, как мне это нравится. Я даже не подозревала, как это увлекательно.

– По-моему, это оружие военного образца, – Пэт раздраженно вздыхает. – Оружие, военная форма, бумаги, прочая ерунда. Откуда это все?

– Надо же. Кто мог положить это туда?

В дверь тихо постучали. Эвелин поворачивает голову на стук. В комнату входит Мэри с подносом, на котором стоят чашки с кофе и тарелка с печеньем.

– Большое спасибо, Мэри. О, вы принесли нам «Джемми Доджерс». До чего же вкусные, мои любимые, – улыбаясь, она берет печенье.

Пэт ждет, когда они снова останутся одни. Потом говорит:

– И что мне делать со всем этим оружием? Нельзя же отдать его уборщикам или на благотворительность!

– А почему нельзя просто выбросить, дорогая? В Милфорде есть муниципальная свалка – очень полезное предприятие. Я всегда свозила туда ненужные вещи, когда еще водила свой «Вольво», – в лице Эвелин отражается сожаление. – Как же мне хочется снова сесть за руль. Раньше, если мне нужно было что-то купить, я за руль и в магазин.

– Не сомневаюсь, что ты скучаешь по машинам, но речь не о том. Оружие и прочие вещи, что я нашла... Я даже не знаю, что это... Должно быть, их хранение противозаконно. Наверное, нужно отвезти все это в полицию или куда-нибудь еще и объяснить, как они вообще попали в дом.

– Сочувствую, дорогая. У тебя из-за них столько хлопот. Угощайся печеньем.

– Так что мне сказать им? Они ведь захотят узнать, как к тебе попало оружие.

– Ко мне?

Эвелин хмурится. Потом вспоминает:

– По-моему, оружие было у папы. И, может быть, Чарльз привез с собой из Африки.

Пэт откидывается в кресле и, складывая на груди руки, вздыхает:

– Нет, это все твои вещи – не их. Я в этом абсолютно уверена, ведь там даже есть военная форма, точно такая, в какой ты на фото, что мы нашли на днях в железной банке. А еще в чемоданах корреспонденция на твое имя. Послушай...

Она наклоняется вперед, роется в лопнувшем пакете и вытаскивает какие-то бумаги.

– Как еще это объяснить? – она протягивает ей первый документ – заполненный печатный бланк. – Это ведь тебе адресовано, да?

Эвелин смотрит на бланк, поправляя очки. Уведомление о ее переводе в центр для допросов в Бад-Нендорфе.

Но это ничего не значит, пока кто-то не выяснил, какие еще люди находились там в то время.

– Смотри, а вот старый паспорт на твое имя, – Пэт показывает ей давно просроченный паспорт с ее фото. На нем Эвелин очень молодая, молодая и невинная. – А вот еще один паспорт, тоже с твоей фотографией. Только вот не пойму, почему имя другое. Какая-то Ева Куча.

– Ева Кушек, – тихо поправляет ее Эвелин.

– Да хоть бы и так! Это все твое, я же вижу. Значит, и оружие тоже тебе принадлежит, – Пэт хмурится, поджимая губы.

– Мне очень жаль, дорогая, – качает головой Эвелин, – но я ничего этого не помню. Может, это вовсе и не я положила все те вещи в чемоданы.

– Может, и не ты. Но все эти документы – разрешение на оружие, письма и прочее – на твое имя. Это все твои вещи, а ты говоришь, понятия не имеешь, что лежало в тех чемоданах.

Эвелин с улыбкой смотрит на Пэт:

– Дорогая, я очень хотела бы тебе помочь, но память у меня уже не та, что прежде.

Она переводит взгляд на поднос:

– Ты к кофе даже не притронулась, дорогая. Остынет ведь.

Она берет еще одно печенье, смотрит на него, морща нос, и говорит:

– Не понимаю, зачем Мэри принесла мне «Джемми Доджерс». Знает ведь, что я их не люблю. Я хочу шоколадные. Они способствуют пищеварению.

Глава 14

27 января 1944 г.

Дорогой мой, любимый!

Я знаю, будь ты рядом, ты сказал бы, что я слишком взбалмошна и опрометчива, что лучше бы мне не торопиться, однако я серьезно подумываю о том, чтобы бросить службу в корпусе и пойти по твоим стопам.

Я уверена, что способна делать что-то более полезное, чем сидеть и ждать чванливых офицеров. Все идет к тому, что эта «священная» война скоро закончится. Мы слышали, что с Ленинграда снята окаянная блокада и его несчастные жители, наконец-то, свободны.

Первое время на службе все было даже ничего, я привыкала к своему чудному «Хамберу», но в канун Нового года, когда я предпочла бы отвести душу, мне пришлось снова везти в Портсмут двух офицеров. К тому времени маршрут я уже знала хорошо, но, ты представляешь, по их милости я всю новогоднюю ночь просидела в машине, и они хоть бы словом предупредили. Более того, я даже праздник не могла отметить, так как у меня не было ни еды, ни напитков. А утром, когда они наконец вернулись, я от них только и услышала: «О, водитель, мы совсем про вас забыли». И потом, жутко уставшая и раздраженная, я была вынуждена снова везти их в Лондон. До чертиков обидно, что меня воспринимают как должное, относятся ко мне с пренебрежением. Я этим сыта по горло и хочу перемен. И еще меня огорчает, что я ни на йоту не приблизилась к тому, чтобы отомстить за тебя.

Ты не преминул бы спросить, каких перемен я хочу. Так вот, сегодня у нас в роте на доске я увидела объявление о наборе добровольцев, которые имеют навыки секретарской работы и владеют иностранными языками, и я намерена подать заявление. Посмотрим, к чему это приведет. Французский я знаю очень хорошо, но немецкий, думаю, гораздо лучше. Шоферить интересно, и по крайней мере водитель я теперь куда более опытный, чем прежде, но часами дожидаться бесцеремонных эгоистичных офицеров – занятие не самое приятное, да и не стоящее, а я хочу приносить пользу, как ты, дорогой. И если ради этого мне придется рисковать жизнью, как это делал ты, значит, я окажусь в хорошей компании. Как знать, возможно, мы с тобой снова встретимся гораздо раньше, чем я думала, и вот уж мы тогда позабавимся. Я очень по тебе скучаю, дорогой.

С любовью, твоя Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 15

Миссис Т-К

9 ноября 2016 г.

Будьте так любезны

– Не притворяйся, будто ты ничего не знаешь про оружие, – шипит Пэт. – Я перерыла те чемоданы. Там только твои вещи – одежда, документы, паспорта. Тебе придется объяснить полиции, откуда взялось оружие.

– Охотно объясню, дорогая, если вспомню.

Волосы у Пэт влажные, на ней тренировочный костюм. Такое впечатление, что она приехала в лечебницу из тренажерного зала. Какие упражнения теперь в моде? В пору молодости Эвелин подходящей физической нагрузкой считались гольф и садоводство, ну и, может быть, в теплое время года теннис. А ныне все только бегают да ходят в спортзал, чтобы оставаться в форме.

– Ты уж постарайся вспомнить! Я даже представить не могла, какой переполох поднимется, когда везла оружие в полицию. Меня там приняли за преступницу, честное слово! Видела бы ты их лица, когда я обратилась к дежурному. Сказали, что нельзя было везти к ним оружие в машине, что следовало оставить оружие там, где я его нашла, что оно могло выстрелить в любую минуту.

Эвелин силится сдержать улыбку, но уголки ее рта все равно подергиваются:

– Это маловероятно, Пэт. Папа учил нас не оставлять ружья заряженными, особенно в доме. В этом вопросе он был особенно щепетил.

– Не сомневаюсь, но в полиции-то об этом не знали. В общем, поднялся ужасный шум, они даже хотели взять у меня отпечатки пальцев. Представляешь? Сказали, якобы для того, чтобы исключить меня из списка подозреваемых. Видишь, сколько неприятностей из-за тебя?

– Зачем им понадобились твои отпечатки? Ты же ничего противоправного не совершила, а, Пэт?

– Нет, конечно. Думаю, у тебя тоже возьмут.

Эвелин рассматривает свои испещренные старческими пятнами руки с разбухшими венами и ухоженными ногтями овальной формы. Мэри только предыдущим днем нанесла на них два слоя лака № 7 «Сумеречная роза». Нужно соблюдать внешние приличия, это очень важно. А ухоженные ногти – признак хорошего тона. Эвелин бросает взгляд на руки Пэт. Ногти у нее неровные, лаком не покрыты; кожа сухая, шершавая.

– У меня никогда еще не брали отпечатки пальцев. Надо же, как интересно! Прямо как в кино.

– Ничего интересного, тетя. Они возьмут отпечатки, будут проверять их по своей базе данных. А все потому, что я трогала оружие и другие вещи. По их словам, они обязаны не только поместить оружие в безопасное место, но еще и проверить серийные номера – на тот случай, если оно когда-то использовалось в преступных целях, как они выразились.

– Но его же не использовали в преступных целях, да? Пэт, надеюсь, ты как следует запираешь дом в Кингсли? Чужие не могли взять наше оружие, нет? Мы ружья держали только для охоты на фазанов, ну и иногда папа с Чарли стреляли в уток, больше ни во что, – Эвелин на мгновение умолкает, морща лоб. – Да, ну, может быть, я пару раз оленя подстрелила. Думаешь, они из-за этого переполошились?

– Нет, тетя, не из-за этого. Они расспрашивали о тебе и о семье, сказали, что им придется проверять в их базах, – Пэт протяжно вздыхает. – Вот честное слово, за что мне все это?! Я должна отбирать безделушки для рождественской ярмарки в нашей церкви. Ан нет, мне приходится торчать с тобой, потому что ты, как выясняется, совершенно беспомощна.

С последними словами она закатывает глаза, и Эвелин кашляет, чтобы скрыть улыбку.

– Сегодня сюда явится полицейский, – Пэт смотрит на часы. – Уже скоро должен быть. Я пообещала встретить его здесь.

Но пришел не мужчина, а женщина. Миниатюрная женщина-констебль по фамилии Томас с темными волосами, туго стянутыми в узел на затылке. Ее привела в маленькую гостиную Мэри. К явному разочарованию Эвелин, от кофе Томас отказалась.

– Прошу вас, объясните моей тете, зачем вам это надо, – обращается к ней Пэт. – Она не понимает, какая в том необходимость.

Констебль Томас с улыбкой пожимает руку Эвелин.

– Здравствуйте, миссис Тейлор-Кларк. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Много времени это не займет.

– Вот и хорошо, а то мне скоро к парикмахеру. Я записалась на утро.

Пэт перехватывает взгляд женщины-полицейского и, качая головой, произносит одними губами:

– Нет, ей не нужно к парикмахеру.

Констебль Томас на это улыбается и говорит Эвелин:

– Если не возражаете, прежде я возьму у вас отпечатки пальцев.

Она достает штемпельную подушечку с бланками. Эвелин протягивает ей сначала левую руку, затем правую, потом, держа руки ладонями вверх, смотрит на свои испачканные в чернилах подушечки пальцев.

Закончив заполнять бланки, констебль Томас спрашивает Эвелин:

– Вы помните два запертых чемодана, которые хранились в одной из комнат Кингсли-Манор?

Держа наготове блокнот, она пристально наблюдает за Эвелин:

– Что вы можете сказать про оружие, найденное в тех чемоданах?

– Ружья мы всегда хранили в специальном стенном шкафу, – не сразу отвечает Эвелин. – Так было заведено у нас дома. Нигде в других местах мы ружья не оставляли.

– Понятно, – констебль Томас делает пометку в блокноте. – Мы проверили ружья в стенном шкафу. Разрешение на них просрочено, но нас не они интересуют.

– А зря, папа всегда покупал только очень хорошие охотничьи ружья и всегда следил за тем, чтобы дома они не были заряжены. И требовал, чтобы мы держали их под замком – от греха подальше.

– Не сомневаюсь. Но это, наверное, было очень давно. А другое оружие в Кингсли-Манор вы когда-нибудь видели?

– Конечно. В сезон охоты, бывало, у нас в поместье, появлялось с десятков, а то и больше других ружей.

– С десятков, а то и больше? То есть вы приобретали дополнительные ружья?

– Нет, дорогая. Мы приглашали друзей пострелять фазанов. Чудесная забава. В морозный день отправляешься на охоту со всей сворой. Очень весело. Папа брал с собой спаниеля Мило, так он его называл. А миссис Глазьер присылала корзину с потрясающим консоме. Мне кажется, она добавляла в него херес. Он придавал бульону совершенно удивительный вкус. Так что в отдельные годы у нас в подвале висело по несколько связок дичи. Вам нравятся фазаны?

– Не могу сказать. Никогда не пробовала, – констебль Томас перестает писать в блокноте и, хмурясь, смотрит на Эвелин.

– Потрясающе вкусная птица. Только нужно, чтобы она повисела несколько дней, но не больше недели, а то душок появится. Приятный вкус достигается путем подвяливания, ну и благодаря этому мясо становится нежнее. Только нужно проверить, чтобы дробинки в тушке не осталось, а то еще во время еды на свинец напорешься. Тогда зубам не поздоровится. Наша кухарка жарила дичь и иногда пекла превосходный пирог, делая начинку из мяса кролика, фазана и голубя. Неповторимое блюдо.

– Вы очень аппетитно рассказываете. Но давайте вернемся к оружию...

– Пэт, – машет Эвелин племяннице, – загляни в холодильник в Кингсли. Я уверена, что оставила там пару связок дичи, а эта молодая леди наверняка не откажется попробовать фазана.

Эвелин лучезарно улыбается констеблю:

– Отведайте, дорогая, это очень вкусно.

– Холодильник пустой, тетя, – Пэт снова закатывает глаза. – Впрочем, его там больше нет.

– Нет? Как это? Это же был отличный холодильник. Хорошо служил мне последние двадцать лет, – Эвелин поворачивается к констеблю Томас и треплет ее по руке. – Фазанов я купила у превосходного мясника в Петворте. Когда была помоложе, обычно сама их стреляла, но в последние годы покупала уже разделанные тушки.

– Тетя, в Кингсли фазанов нет. Ты опять путаешься.

– Что за чепуха, Пэт?! Быть такого не может. Наш егерь за этим следит. Папа устроил бы ему нагоняй, если б он плохо выполнял свою работу. В Кингсли всегда водится много дичи. Нельзя приглашать гостей, если не можешь обеспечить им приличную охоту. Что бы о нас подумали? Разумеется, фазаны в Кингсли есть.

– Но не в холодильнике, – Пэт в раздражении качает головой. – В холодильнике их больше нет.

Констебль Томас захлопывает свой блокнот и обращается к Пэт:

– Пожалуй, я узнала все, что хотела. Мне придется составить донесение, просто для протокола, но не думаю, что вас в связи с этим станут тревожить. Наши эксперты осмотрят оружие, проверят серийные номера на всякий случай, но не думаю, что вам снова придется приезжать в отделение.

– Слава богу. У меня и без того забот полон рот, как вы сами могли убедиться. Как, по-вашему, это ее оружие? Оно в исправности?

– Не могу сказать. Это не моя компетенция. Если оружие еще пригодно к использованию, его спишут: эксперты проверят его и изымут из оборота, – она опустила взгляд на папку с заполненными бланками. – Но я включу в отчет информацию обо всех других предметах, что хранились в чемоданах, на тот случай, если окажется, что это важно.

Констебль Томас идет к выходу.

– До свидания, дорогая, – кричит ей вслед Эвелин. – Приходите еще, прошу вас. Я получила огромное удовольствие от беседы с вами.

Глава 16

10 февраля 1944 г.

Мой дорогой!

Это мое письмо будет коротким, потому как я пребываю в эйфории от того, что мне доверили новую роль, которая, я надеюсь, принесет гораздо больше пользы мне самой и нашей стране. Мне велели идти на Бродвей-стрит, в здание, что находится напротив станции метро «Сент-Джеймский парк». Ожидая в коридоре, я слышала разговор, происходивший между женщиной и женщиной.

– Она должна подойти. У нее надлежащие исходные данные.

Думаю, речь шла обо мне, хотя ума не приложу, кто им мог меня порекомендовать. Возможно, они знакомы с Чарльзом. Потом после краткого собеседования мне сообщили, что хотели бы направить меня в подразделение, в задачу которого входит допрос людей, сумевших вернуться сюда, на родину, с оккупированной врагом территории.

Я заявила, что не хочу тихо-мирно сидеть в конторе, в то время как другие, подобно тебе, рискуют жизнью, что я предпочла бы принять более активное участие в войне. Мне сказали, что, возможно, со временем меня переведут на другую работу. Но по крайней мере теперь мне найдут более достойное применение, и я буду ближе к фронту!

Полагаю, мне предстоит участвовать в допросах оперативников, которые выполняли задания в тылу врага и сумели избежать ареста или плена. Я прекрасно сознаю, что их ответы будут полны душераздирающих подробностей, и они напомнят мне о той ужасной операции, в которой погиб ты, дорогой, но я намерена ради тебя оставаться спокойной и сильной.

Я была ужасно взволнована тем, что мне наконец-то повезло, и, желая отметить свой успех, пошла через парк в «Фортнум». Там я выпила чаю и купила плитку шоколада, который производят специально для военнослужащих. Эту плитку я pošлю Чарльзу, ведь, наверное, благодаря его влиянию меня взяли на службу. Если бы ты был жив, дорогой, тебе я тоже непременно купила бы шоколад. Ты, я знаю, оценил бы такое угощение.

Но маме, когда я в следующий раз поеду к ней, пожалуй, про этот свой поход в магазин мне лучше не говорить, а то она обидится, что ей я ничего вкусенького не купила в «Фортнуме». По-моему, она до сих пор считает, что я живу и работаю в центре Лондона для ее удобства, чтобы выполнять ее поручения. Бедная мама, она вообще не понимает, что такое карточная система, все заботы о быте возложила на миссис Глазьер, но та, насколько я могу судить, очень даже неплохо справляется. А, может, они обе в сговоре с местным дельцом черного рынка? Вот бы посмотреть, как они обе тайком приобретают нелегальные товары. Должно быть, ужасно забавно! В свой следующий визит к ним непременно проверю, какие на них чулки!

С любовью, Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 17

Миссис Т-К

11 ноября 2016 г.

Еще несколько вопросов

– Боюсь, она страдает потерей памяти, – объясняет Пэт мужчине в штатском, который следом за ней входит в маленькую гостиную. Это не Хамфри, муж Пэт, и не один из ее двух сыновей – те гораздо моложе. Он принес с собой большую папку и свежий запах лосьона после бритья.

– Тетя, – обращается к Эвелин Пэт, – этот симпатичный человек – инспектор Уильямс. У него к тебе несколько вопросов. Это не займет много времени.

Эвелин награждает гостя своей самой очаровательной улыбкой. На днях Пэт ее навещала вместе с женщиной-полицейским, и после того, как обе ушли – сначала миниатюрная сотрудница полиции, затем племянница, растрепанная и раздраженная, – она ждала подобного визита.

Бад-Нендорф. Ниточка, от которой не избавиться. Как только выяснится, что я там была, связь станет очевидной. С другой стороны, любой, порывшись в военных архивах, с легкостью установит, что я служила там в те годы.

Эвелин пожимает руку инспектору:

– Как же я рада видеть одного из сыночков Пэт. Ты останешься на кофе?

Она жмет на кнопку устройства, что висит на длинной ленте у нее на шее, и в дверях тотчас же появляется Мэри. Вид у нее чрезвычайно встревоженный, словно она примчалась к постели умирающей.

– Мэри, дорогая, у нас сегодня гости. Прошу вас, принесите нам кофе сюда, в маленькую гостиную, – взмахом руки Эвелин отсылает медсестру, крича ей вслед: – И вкусное печенье для молодого человека не забудьте, пожалуйста.

– Тетя, ну что ты, – укоряет ее Пэт. – Ты ведешь себя так, будто здесь отель.

– Что за глупости, Пэт? Я еще вполне в состоянии отличить родной дом от отеля, – Эвелин обводит взглядом светлую комнату – шторы из золотой парчи, на стенах обои в бордово-кремовую полоску – в стиле эпохи Регентства¹⁴. – Тебе нравится, как я убрала эту комнату? Обои я сама выбирала.

Пэт наклоняется к инспектору и шепчет:

– Не обращайтесь внимания. С ней иногда такое бывает. Она забывает, где находится, и ей кажется, будто она у себя дома. Сомневаюсь, что сегодня вы чего-либо добьетесь от нее.

– Не беспокойтесь, это просто формальность, – отвечает тот. – Для протокола.

– Миссис Тейлор-Кларк, – снова обращается он к Эвелин, – мне хотелось бы задать вам пару вопросов об оружии, которое обнаружено по месту вашего прежнего проживания – в Кингсли-Манор. Во-первых, вы подтверждаете, что являетесь законной владелицей того дома и проживали там одна до того, как переселились сюда, в «Лесные поляны»?

– В Кингсли жили мои родители, – отвечает Эвелин. – Какой там замечательный парк! Вы там бывали? Подснежники видели?

– Подснежников там сейчас нет, – замечает Пэт. – Не то время года. На улице ноябрь, а не весна.

¹⁴ Эпоха Регентства – начало XIX в., когда Георг IV (1762–1830) был принцем-регентом.

– Какая жалость, – сетует Эвелин. – Тогда вам непременно нужно приехать туда в январе или феврале. В это время года там такая красота.

Она величаво поводит рукой перед собой:

– Подснежники буквально стелются ковром. Парк Кингсли славится ими.

– Непременно приеду, – говорит инспектор. – Но сейчас меня интересует другое. Это вы сложили вещи в те чемоданы, что были найдены в одной из комнат? Один лежал на полу, второй – на гардеробе, – он протягивает снимок с двумя чемоданами.

Эвелин смотрит на фотографию:

– Наверное, ужасно тяжелые. Вы уж, молодой человек, будьте очень осторожны, поднимая такую тяжесть.

– Конечно, мадам, я буду иметь это в виду. Так вы узнаете эти чемоданы?

– А разве я их где-то видела? – пожимает плечами Эвелин, снова посмотрев на фото. Потом, услышав дребезжание тележки, поворачивает голову в сторону двери. – О, чудесно, кофе везут.

В гостиную входит Мэри с подносом, и Эвелин устремляет взгляд на тарелку с печеньем:

– «Бурбоны» сегодня есть, Мэри? Я предпочла бы «бурбоны». «Гарибальди» мне не очень нравятся: смородина в зубах застревает.

– Сейчас пойду посмотрю, – отвечает Мэри. – Если повезет, тотчас же и принесу.

Втроем они сидят, помешивая ложечками в чашках. Инспектор Уильямс окунает в кофе печенье, но вовремя не вытаскивает, и размокший кусок плюхается в чашку, забрызгивая ему рубашку. Эвелин, не будучи сторонницей макания, грызет затвердевший яичный крем.

– Вы можете сказать, что хранилось в тех чемоданах? – спрашивает инспектор, смахнув с рубашки капельки мятым носовым платком, что он нашел в кармане.

– Нет, не знаю, – произносит Эвелин, переставая жевать. – Может быть, одежда? Старая одежда? Мама никогда ничего не выбрасывала. Она всегда говорила, что качественные вещи выбрасывать не следует, их всегда можно перешить. У нее были чудесные платья и пальто, и изумительная портниха. Пэт, я дам тебе ее адрес. Тебе не мешает обновить гардероб.

На Пэт мятый свитер и темные брюки с налипшей собачьей шерстью. Она сердито смотрит на тетю, потягивая кофе.

– Мэм, мы действительно нашли в чемоданах одежду, но там было и кое-что другое. Взгляните на эти фото, – инспектор протягивает Эвелин еще две фотографии. – Это то, что мы там обнаружили.

На одном снимке – сшитая на заказ военная форма и документы; на втором – пистолет-пулемет «Стэн» на кожаном ремешке, свернутом в петлю, пистолет и боеприпасы.

– Вы узнаете эти предметы?

Какая досада, что я не сумела разобрать те чемоданы, думает Эвелин. Правда, я пыталась: залезла на шаткий стул в комнате, дотянулась до чемодана, почти ухватившись за ручку... и упала. Вот тогда-то я поняла, что больше мне не удастся таиться, не удастся замести следы. Класть чемодан наверх вообще было нельзя. Разумнее было бы положить его под кровать. Как я об этом не подумала?!

Но в ответ она только и сказала: Какое большое ружье, инспектор! Как оно туда попало?

– Вот-вот. Именно это нам хотелось бы узнать, мэм. И вы нам очень поможете, если вспомните, кому оно принадлежит.

Эвелин молчит. Инспектор достает из папки снимок старого паспорта:

– Это мы тоже нашли в чемодане. Ваша племянница сказала, что на фото в паспорте вы в молодом возрасте. Однако сам паспорт на имя Евы Кушек. Вы можете объяснить, откуда у вас паспорт на чужое имя?

Эвелин все так же молча смотрит на фотографию, затем переводит взгляд на поднос, что стоит на краю стола, и произносит:

– Ах, какая жалость. «Бурбоны» кончились. Пэт, это ты их все съела?

– Нет, не я, – тяжело вздыхает та, – но я пойду посмотрю, есть ли они на кухне. Мэри обещала принести, но с тех пор прошла целая вечность.

Эвелин провожает ее взглядом:

– Она с детства была обжорой, как и ее отец Чарльз. Он – мой брат, знаете, да? Так жалко, что она его не знала.

Эвелин теревит в руках носовой платок, размышляя, стоит ли сейчас промокнуть глаза. Но, возможно, слезы следует поберечь для более щекотливого момента, когда вопросы станут угрожающе близки к истине.

Инспектор Уильямс, снова порывшись в папке, извлекает копию письма на имя Эвелин – приглашение в отель «Кайзерхоф»:

– Может быть, это освежит вашу память?

Эвелин берет сфотографированное письмо, живо вспоминая, какой отважной она себя чувствовала, отправляясь за новым назначением, какое облегчение испытывала от того, что ей представилась возможность вырваться, и как пугали ее его властный взгляд, его высокомерие и уверенность, что она никому не расскажет про его методы. Своим неумолимо жестким пренебрежительным отношением он испортил все удовольствие, что доставили ей собеседование и приличный кофе с пирожным.

– Со слов вашей племянницы мне известно, что по окончании войны вы служили в Германии. Что вы можете рассказать о том времени?

Эвелин неотрывно смотрит на приглашение, думая, как ей лучше ответить.

О том времени. О той поре ужасов и неопределенности, сменившей период прежних ужасов.

– Apfelkuchen, – произносит она через минуту, лучезарно улыбаясь инспектору. – В то время везде ощущалась нехватка провизии, но у нас был чудесный Apfelkuchen. Я привезла с собой рецепт и часто готовила его дома.

– Ясно. Так этот... этот Apfelkuchen, или как его там... вам подавали в отеле «Кайзерхоф»?

– Яблочный пирог, инспектор. Это яблочный пирог. Мы ели его с Schlagsahne¹⁵, если их удавалось достать. Сахар в ту пору был в дефиците, но позже, по возвращении домой, я, когда пекла этот пирог, сверху всегда посыпала его коричневым сахаром. Вкуснотища! Давайте попрошу наших поваров, чтобы для вас тоже испекли?

– Вы очень любезны, миссис Тейлор-Кларк...

– О, миссис Т-К меня вполне устроит, инспектор. Все здесь меня называют просто: миссис Т-К, – Эвелин склоняет набок голову, глядя на озадаченного полицейского с карандашом в руке.

– У вас совершенно неострый карандаш, – замечает она. – Хотите, я вам его подточу?

Глянув на тупой грифель, Уильямс отдает карандаш Эвелин. Та из глубин своей вместительной сумки достает маленькую серебряную точилку. На поднос с кофе падает стружка. Поточив карандаш, Эвелин возвращает его инспектору.

– Ну вот, так-то лучше. Сами увидите, что острый карандаш пишет более четко.

Уильямс просматривает записи в папке и затем говорит:

– Мы немного покопались в архивах и выяснили, что одно время вы служили в Общевойсковом центре для допросов в Бад-Нендорфе в Германии. Вы это подтверждаете?

– О, даже не знаю. Я там служила?

¹⁵ Schlagsahne (нем.) – сбитые сливки.

– Так указано в вашей учетно-послужной карточке. Вы помните, чем вы там занимались? – инспектор держит карандаш наготове, собираясь записать ее ответ. В эту минуту возвращается Пэт с тарелкой печенья.

– Тебе повезло. Даниэлла нашла на кухне новую пачку. Надеюсь, теперь ты будешь довольна.

– Мне пришлось помочь этому доброму джентльмену подточить его карандаш, – сообщает Эвелин. – Как можно ходить на работу без острого карандаша?

Она улыбается Уильямсу и племяннице. Пэт отпивает глоток остывшего кофе. Инспектор все еще ожидает ответа на свой вопрос. Эвелин берет печенье с тарелки, которую принесла Пэт.

– Мы выяснили, – говорит инспектор, прочистив горло, – что вы работали в центре в тот же период, когда там служил полковник Стивен Робинсон. Вы помните человека с таким именем? Полагаю, он был вашим начальником.

– Робин, – молвит Эвелин. – Был там Робин?

Она откусывает печенье, что-то мурлыча про себя, а потом принимается напевать дрожащим голосом: «Робин Бобин Барабек съел за сотню человек...»

Пэт со стуком ставит чашку на блюдце, встряхивая весь поднос:

– Что я вам говорила? Убедились? Это безнадежно. Не представляю, как мы узнаем, что там тогда происходило.

– Не волнуйтесь, – успокаивает ее инспектор Уильямс. – На днях я зайду еще раз. Порой, когда человеку представляется шанс поразмыслить, память к нему постепенно возвращается.

Да я все прекрасно помню. Помню во всех подробностях. Даже не сомневайтесь, думает Эвелин, а вслух произносит:

– Ой, вы что, уже уходите? Но вы же скоро придете снова, да? Я попрошу кухарку испечь для нас особый яблочный пирог.

Часть третья

У животных странные симпатичные ушки (8)

Глава 18

12 июля 1945 г.

Любимый мой!

Какое счастье! Наконец-то мне пригодится знание иностранных языков. Я всегда чувствовала, что однажды это случится, хотя в период учебной подготовки, когда меня заставляли ползти по-пластунски через лес и вспоминать французский, я не была уверена, что мне придется с пользой применить немецкий, а я, как тебе известно, говорю на нем довольно бегло.

Но война в Европе наконец-то кончилась, и нужно делать все, чтобы не допустить новой, так что меня все же направляют в Германию. Когда мы узнали о капитуляции фашистов, я, конечно, как и все, очень обрадовалась, но, к своему стыду, даже во время праздничных торжеств меня глодало разочарование. Я жалела, что теперь не смогу внести свою лепту, не смогу участвовать в реальных боевых действиях, не смогу пойти по стопам моего храброго супруга. А мне так хотелось примерить на себя свою новую личность – стать Евой. Это имя мне подходит, согласен?

Подразделение, в которое меня командируют, организует новый объект для проведения допросов немецких военнослужащих и других лиц, это недалеко от Ганновера. Я так рада и в то же время встревожена, ведь теперь всем известно об ужасных злодеяниях фашистов, о том, сколько людей от них пострадало в Германии. Надеюсь, что эта работа не будет чрезмерно отвратительной, но я очень хочу приносить пользу. Знаю, что меня ждут встречи с ужасными людьми, но я уверена, что стратегическая информация, которую удастся раздобыть, будет крайне полезна. Слава богу, что мой немецкий не «заржавел» – *aus der Übung*¹⁶, так сказать. В учебке я постоянно его совершенствовала на всякий случай.

Однако существует одно огромное «но», дорогой. И, думаю, ты очень рассердился бы на меня, если б был жив и знал об этом: командует подразделением тот, «имени которого нельзя упоминать», полковник Стивен Робинсон. Знаю, знаю, ты сейчас думаешь: как же ей удастся сдерживать свои эмоции? Или ее с позором отправят домой? Если честно, мне и самой интересно, что я почувствую, когда впервые увижу его, ведь моя ненависть к тому, кто стал причиной твоей гибели, нисколько не ослабла. Но я настроена блестяще выполнять свои обязанности и, если за это время замечу малейшую брешь в его броне или найду хоть какую-то возможность заставить его сполна заплатить за свои чудовищные ошибочные суждения, я сделаю это не колеблясь, вот увидишь.

Наше подразделение будет располагаться в Бад-Нендорфе; это, по-моему, курортный городок где-то недалеко от Ганновера. Там, насколько мне известно, под нужды нашего центра переоборудуют одну из лечебниц, так что, надеюсь, это будет чистое и современное учреждение.

Немцы называют этот городок *Schlammbad*, что буквально означает «грязевая ванна»! Экзотично, да? Но я уверена, что мне не придется марать руки или принимать какие-то чудесные процедуры. Скорее всего, я буду целыми днями строчить протоколы и стенограммы, пыта-

¹⁶ Без практики (пер. с нем.).

ясь зафиксировать на бумаге каждое слово, произнесенное в ходе допросов. Надеюсь, у меня все получится и ты будешь гордиться мною.

Очень тебя люблю, дорогой. Твоя Эви.

P.S. Я люблю тебя.

Глава 19

Ева

15 августа 1945 г.

Прославленные грязи

Ева Кушек, она же Эвелин Тейлор-Кларк, шла от служебной гостиницы к корпусу для допросов. Стояло знойное позднее лето, и в колючей форме цвета хаки ей было нестерпимо жарко. Еве казалось, что ее одежда провоняла кислой капустой, которую постоянно тушила на своей кухне ее угрюмая квартирная хозяйка.

Это был первый день службы Евы на курорте Уинклер-бат в Бад-Нендорфе, но здесь она не увидела выстроившихся в ряд загорелых спортивных красавиц, которые выполняли бы упражнения, в глубоком наклоне касаясь ладонями пальцев ног, возле топчанов у ослепительно сверкающего бассейна. Нет, здесь не было ничего, что соответствовало бы ее представлениям о роскошной здравнице. Коричневые стены комплекса напоминали о целебных грязях, которыми славился этот городок. Наверно, грязи здесь были повсюду, и их использовали для любых целей – для лечения, для изготовления кирпичей, даже для внешней отделки зданий. Она представила, как составляет отчеты, сидя за столом в бывшей лечебнице, у ее ног в крепких начищенных ботинках растекаются лужи грязи.

Путешествие через разрушенную войной Европу было утомительным: сначала на пароходе, затем на поезде, потом на грузовиках. Мимо мелькали городки, целиком превращенные в груды развалин, где усталые женщины в лохмотьях и дети с бритыми наголо головами сгребали в кучи кирпичи. Она видела развороченные вокзалы, где истощенные беженцы протягивали руки к проезжавшим мимо вагонам. Наконец она прибыла на этот популярный курорт в Нижней Саксонии, находившийся милях в двадцати от Ганновера. Благодаря его знаменитым целебным водам люди вот уже двести лет приезжали сюда лечиться. Наконец очередной грузовик подвез ее к чистой, но скромной гостинице, куда получили направление Ева и еще несколько служащих канцелярии. Она увидела большие некогда ухоженные сады местного курортного парка, за годы войны пришедшие в запустение и заросшие сорняками.

Здания в городке не пострадали от боевых действий, но нуждались в ремонте. Местные жители были тощими, но с голоду не умирали; ее хозяйка разговорчивостью не отличалась, но враждебности не проявляла.

Я стараюсь вызвать на ее губах улыбку, но наше присутствие ее возмущает, сообразила Ева, ведь для нее мы теперь враги, указываем, как им жить, и на всех жителей взираем так, словно пытаемся определить, насколько они были осведомлены о том, что происходило в стране, и следует ли считать их пособниками того ужасного режима.

И вот Ева прибыла к месту прохождения службы в Общевойсковом центре допросов, обосновавшемся на территории бывшей курортной лечебницы, чтобы вести дословные и стенографические протоколы допросов пленных на английском и немецком языках. Подходя к стеклянным входным дверям, она остановилась и набрала полные легкие воздуха. Она сделала все, чтобы получить это назначение. Стараясь не вызвать подозрений, разузнала, где он находится, и добилась своего: скоро она встретится лицом к лицу с офицером, которого считает виновным в гибели Хью. Но, оказавшись здесь, Ева занервничала, ведь она увидит его впервые. Узнает ли она его? Сможет ли сразу понять по стальному взгляду, что это тот самый безжалостный человек, который обрек на смерть Хью и других агентов?

Ныне ее ждала работа, совершенно отличная от той, которой она должна была заниматься, если б не кончилась война. Она готовилась пойти по стопам Хью, осваивая приемы рукопашного боя с оружием и без оружия, ползая по-пластунски по лесам Шотландии, изучая рацию. В загородных особняках Англии, как в шутку называли разведшколы курсанты УСО, их обучали методике проведения допросов, а также шифрованию и способам бесшумного убийства.

Я надеялась стать героиней и пасть смертью храбрых, лишь бы вновь встретиться с тобой, любимый.

Поработав водителем в Женском вспомогательном территориальном корпусе, затем совсем недолго переводчиком в подразделении по допросам возвратившихся агентов и пленных, она была готова, если потребуется, в качестве спецагента жертвовать своей жизнью, как Хью. Но война вдруг кончилась, хотя покоем еще и не пахло. Все радовались, ликовали, но повсюду царил послевоенный хаос. Европа лежала в руинах. Нужно было наводить порядок, восстанавливать мирную жизнь, расследовать преступления военного времени. И вот она здесь, чтобы, используя навыки секретаря, умение внимательно слушать и точно переводить, вести протоколы и при необходимости вносить поправки в документы.

– Привет. Новенькая, да? – прервал ее размышления вопрос, заданный бойким тоном.

К ней обращался краснощекий сержант, шедший следом за ней. В то утро он брился недостаточно острым лезвием, но чересчур усердно, порезался, и на подбородке у него висел кусочек бумажной салфетки с темным пятнышком крови.

– Только что прибыла. Эвелин Тейлор-Кларк. По крайней мере так меня звали до сих пор, хотя вообще-то я собиралась быть Евой Кушек. Если б война не кончилась, возможно, мне пригодилось бы умение ползать по-пластунски, приобретенное в лесах Шотландии.

– Если хотите, зовите Евой. Значит, вы прошли подготовку в УСО?

Ева не ответила, но заметила, что парень удивленно поднял бровь.

– Считайте, вам повезло, что представление уже окончилось. Из тех ребят мало кто уцелел, – он протянул ей руку. – Джеймс Макгрегор, Джимми. Добро пожаловать на курорт Бад-Нендорф.

Он бросил взгляд на здание строгого стиля:

– Хотя на санаторий не очень похоже, да?

– Ну да, курорты, как мне казалось, должны иметь более благотворный вид, – улыбнулась Ева. – И как тут работаете?

– Дисциплина довольно строгая, но вообще-то неплохо. Кормят по крайней мере хорошо, к тому же город этот никогда не бомбили, так что ничего. Как вы устроились?

– Гостиница чистая, только провоняла тмином и капустой. Хорошо хоть, что мне не придется там питаться! – засмеялась она. – К тому же, это лучше, чем квартиры в Англии, где не выветривались запахи карболки и лука.

Ева осмотрелась вокруг: территория комплекса, парк, дальше лес...

– А на досуге тут есть чем заняться?

– Боюсь, что нет. Городишко сонный и, видимо, всегда был таким. Какая тут может быть ночная жизнь, если люди приезжали сюда подлечиться, поправить здоровье?

– Да, пожалуй, никакой. Что ж, придется довольствоваться прогулками на свежем воздухе, когда выдастся свободное время.

В этот момент оба повернули головы на звук затормозившего военного грузовика. Два охранника заняли позиции у заднего откидного борта и приказали пленным в наручниках выходить по одному. Некоторые из них были в форме, другие – в брюках и рубашках; несколько человек не сумели устоять на ногах, выпрыгивая из кузова. Один молодой парень встретился взглядом с Евой и улыбнулся ей. Он был примерно того же возраста, что ее брат Чарльз. Свет-

лые волосы парня, несмотря на его пребывание в плену, были чистыми и аккуратно причесанными. Проходя мимо Евы, он снова ей улыбнулся.

– Ну что ж, похоже, пора начинать, – произнес Джимми, когда колонна вошла в здание.

– Я пойду за вами. Меня еще не проинструктировали. Может, дадите какие полезные советы? Или мне с ходу бросаться в пропасть вниз головой?

Джимми обернулся и серьезно посмотрел на нее.

– Просто исполняйте приказы, особенно те, что отдает Робинсон. Не надо его сердить, – он распахнул перед ней дверь и произнес, жестом приглашая ее войти: – Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Робинсон. При этом имени у Евы что-то кольнуло в шее, и она вспомнила слова Тима Макнила: «Не человек, а терьер. Вгрызется – не отпустит».

Посмотрим, кто кого не отпустит, мысленно сказала она себе. Я специально приехала в такую даль, и, наконец-то, мы встретимся лицом к лицу.

Глава 20

Ева

16 августа 1945 г.

Улыбнитесь, вас снимают

– Вот объясни, почему мы должны фотографироваться сегодня? – бурчала Ева, убирая под кепи выбившиеся пряди волос. Губы она подкрасила, но твердо решила не улыбаться в объектив.

– Шеф считает, что у него должны быть фотографии всех сотрудников. Может быть, у него плохая память на лица. Не волнуйся, ты получишь на память одно свое фото. – Джимми пришел за ней в маленький кабинет, где она собиралась печатать протоколы допросов. – Пойдем, не заставляй себя ждать.

Ева последовала за ним по коридору. Это был ее второй рабочий день, и пока еще она ничего не сделала, разве что заправила в машинку новую ленту, заполнила кое-какие документы и наточила карандаши. Но, возможно, сегодня она, наконец-то, познакомится с человеком, ради которого сюда приехала.

Пока они шли к выходу, к ним присоединилась еще одна новая сотрудница, и все вместе они ступили под жаркое солнце.

– И долго это займет? – спросила Ева, щурясь от яркого света. – Я еще даже не приступила к настоящей работе.

– На этот счет не тревожься. На твоем месте я наслаждался бы тишиной и покоем, пока есть такая возможность. Скоро будет не продохнуть, – Джимми порывлся во внутреннем кармане мундира и предложил девушкам по сигарете. Те отказались.

– Если сами не курите, сигареты из своего довольствия приберегите: потом можно продать, местные спят и видят курево. За сигареты неплохую цену можно выторговать. Только об этом молчок.

– Здешним жителям повезло куда больше, чем многим другим, – тихо заметила Ева. – Столько городов уничтожено. По пути сюда я видела жуткую разруху: люди подбираются, копаются в обломках, готовы взять все, что мы могли бы им выделить. Я знаю, мы ничего не должны давать немцам, но ведь продуктов у нас более чем достаточно. С нас не убудет, если мы с ними поделимся.

– Страшное это дело, война, – пробормотал Джимми, стараясь не дымить на девушек. Он снял кепи и грязным мятым носовым платком отер потный лоб. – Но, если попытаешься им помочь, нарвешься на неприятности. Один из парней рассказывал, что их повара-немца в тюрьму посадили за то, что он пытался вынести из казармы обедки. А он ведь просто хотел накормить свою семью.

– Неужели ты и впрямь считаешь, что все немцы – фашисты? Нельзя же всех под одну гребенку!

– Скоро сама все увидишь. Пусть они сколько угодно выдают себя за хороших нацистов, я никогда не поверю, что они пребывали в неведении относительно ужасов концлагерей.

– Долго нам еще здесь торчать? – через пять минут спросила Ева. Она обратила взгляд на дверь, но из здания никто не выходил. – Я хотела бы заняться своей работой.

– Думаю, пару дней тебе нечего будет делать. Новая партия только что прибыла. Они еще не готовы к тому, чтобы мы ими занимались, – Джимми раздавил окурочку каблуком и принялся расхаживать взад-вперед, разминая плечи.

Ева наблюдала за ним, пытаясь понять, что он имеет в виду, а потом услышала шаги. Кто-то быстро шел по коридору, отрывисто отдавая распоряжения. В следующую минуту из здания появился невысокий франтоватый мужчина с аккуратными усиками. На его безукоризненно отутюженной форме не было ни одной складочки.

– Так, встаньте в ряд, живее, – рявкнул он, взмахнув в их сторону щегольской тростью. Сопровождавший его фотограф торопливо настроил фотоаппарат и жестами стал показывать, кому как встать.

– Да снимай уже, – не выдержал полковник. – Снимай, и дело с концом.

Фотоаппарат щелкнул несколько раз, запечатлев полковника перед входом в здание и его подчиненных, стоявших по правую руку от него. Значит, это и есть Робинсон. Этот бесцеремонный щуплый человечек и есть тот самый «терьер», о котором рассказывал Тим. Ева пыталась разглядеть его, пока они, высоко подняв головы, отведя назад плечи, стояли бок о бок перед объективом, но фотограф велел не шевелиться и смотреть строго перед собой. Она заметила смущенные улыбки на лицах своих товарищей и плотно сжатые в тонкую линию губы полковника. Тот дергал подбородком, словно накрахмаленный воротничок его душил.

Едва затвор щелкнул, полковник гаркнул:

– Вольно. За дело, ребята.

Решительным шагом он вернулся в здание, стуча по плитам коридора каблуками своих начищенных туфель.

– Теперь можно расслабиться, – сказал Джимми, закуривая новую сигарету. – Не спеши назад, отдохни, если хочешь. Сегодня делать особо нечего.

– Как это? Мы допросы должны проводить, а не слоняться без дела.

– Не переживай, – пожал плечами Джимми. – Скоро он даст сигнал, и дел у тебя будет выше крыши. Будь у него для нас работа, он не стал бы греться на солнышке, позируя перед фотокамерой. Стоит ему раскошегариться, его уже не остановишь.

– Он здесь вроде бригадира, что ли?

– Я бы так не сказал. Скорее... – Джимми помолчал, подбирая верные слова. – Стоит ему взять след, он идет до конца, и уже ни перед чем не остановится.

– Я правильно подумала, что это был полковник Робинсон?

Господи, пусть это будет он. Из-за него я здесь. Мне это стоило немалых трудов, и теперь я должна знать наверняка.

– Он самый, – Джимми наклонился к Еве и, понизив голос, сказал: – Мы зовем его Бесси.

– Бесси? Но ведь это женское имя.

– Сокращенно от «бессердечный», – рассмеялся Джимми. – Этим прозвищем его наградили в его прежнем подразделении: он руководил агентами, выполнявшими спецоперации. Цель оправдывает средства, всегда говорил он.

Ева смотрела вслед Джимми, скрывшемуся за тяжелыми двустворчатыми дверями вместе с другой сотрудницей. От слов, что он произнес, мороз продрал по коже. В них слышался отголосок всего, что она знала о Робинсоне от Хью и Тима Макнила. Она была рада, что ее усилия не пропали даром и она оказалась там, куда стремилась попасть. Но как служить под началом этого человека? Как примириться с тем, что он сотворил с Хью? У нее появилось ощущение, что внутренности завязываются в узел, а к горлу подступает твердый ком желчи. Она догадывалась, что Робинсон не из тех мужчин, которых могут очаровать белокурые волосы и яркая губная помада. Но по крайней мере теперь она знала, какой он внешне. А вскоре у нее будет свой экземпляр группового фото, которое не позволит ей забыть, как он выглядит.

Глава 21

Ева

10 октября 1945 г.

Обещание

– Bitte, helfen Sie mir¹⁷, – эти слова, произнесенные хриплым шепотом, сорвались с рас- трескавшихся окровавленных губ пленного немца. Его некоторое время назад приволокли в комнату для допросов и привязали ремнями к железному стулу. Сейчас он находился в комнате один. Свесив голову на грудь, он всхлипывал и что-то бормотал. Грязные тонкие волосы падали ему на глаза. Она с трудом различала его слова. – Ich habe nichts falsch gemacht¹⁸.

Ева только что пришла на утренний допрос. Дверь в комнату была открыта. Она бросила взгляд через плечо, осматривая коридор. На мгновение наступила тишина. Быстрых энергичных шагов она не услышала, но знала, что очень скоро в комнату для допросов вернется полковник Робинсон в сопровождении Арнольда Миллера – жестокого коренастого сержанта, выполнявшего за него грязную работу.

– Бедняга. Я знаю, что ты невиновен, – прошептала Ева, чуть-чуть прикрывая дверь. – Я тебе верю. Мне очень жаль, что с тобой так обращаются.

– Jede nacht¹⁹, – произнес он, поднимая голову, чтобы она видела его лицо, – нас раздевают догола...

Ева резко втянула в себя воздух. Этого пленного немца она видела прежде. Узнала его, несмотря на синяки и коросту грязи на его лице. Курт Беккер. Она читала его досье. До войны он был учителем и собирался вернуться к своей профессии во Франкфурте. Но в его деле также отмечалось, что он связан с людьми, сочувствующими коммунистам. Она помнила, каким он был по прибытии в центр. Он радостно поприветствовал ее репликой о чудесной погоде и, словно он прибыл сюда подлечиться и отдохнуть, а не для того, чтобы томиться в плену и терпеть лишения, сказал:

– Ach, sehr gut. Ich habe Schlammbad sehr gern²⁰.

На первом допросе, полтора месяца назад, его белокурые волосы были еще относительно чистыми и опрятными, рубашка – без пятен, кожа здоровая, без кровоподтеков. Перед началом допроса он улыбнулся ей и официально представился в учтивой манере. Теперь глаза его ввалились, лицо посерело, некогда крепкое тело превратилось в скелет. От его грязной одежды исходил кислый запах рвоты и мочи.

– Курт... Можно, я буду называть вас по имени, да?

Ева умолкла и прислушалась. Приближались шаги.

– Обещаю, – прошептала она. – Это все ужасно несправедливо. Обещаю, я постараюсь сделать так, чтобы это прекратилось. С вами не должны так обращаться.

А потом дверь с грохотом распахнулась, так что и Ева, и заключенный вздрогнули, и начался очередной допрос. Она не поднимала глаз от блокнота, вела протокол. Острый карандаш в ее руке дрожал. Она изо всех сил пыталась сохранять самообладание, слушая резкие вопросы полковника и неуверенные ответы пленника.

¹⁷ Bitte, helfen Sie mir. (нем.) – Пожалуйста, помогите.

¹⁸ Ich habe nichts falsch gemacht. (нем.) – Я не сделал ничего плохого.

¹⁹ Jede nacht (нем.) – каждую ночь.

²⁰ Ach, sehr gut. Ich habe Schlammbad sehr gern (нем.) – О, отлично. От грязевых ванн я бы не отказался.

– Отвечай, – потребовал Робинсон резким тоном. – Отпираться бессмысленно. Нам известно, что ты встречаешься со своими так называемыми друзьями.

Курт свесил голову. Не будь он привязан к узкому железному стулу, упал бы на бетонный пол.

– Миллер, – гаркнул Робинсон. – Выпрями его.

С безразличным выражением лица сержант своей лапищей схватил Курта за волосы и рывком посадил его прямо. Курт застонал, его рот с разбитыми губами безвольно открылся, и Ева увидела, что часть зубов у него сломана, а на месте других зияют дыры.

– Отлично. Так-то лучше, – Робинсон натянуто улыбнулся. – А теперь, глядя мне в глаза, скажи, где проходили ваши встречи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.